

*Поздняя любовь,
как выдержанное вино, кружит
голову ничуть не меньше.*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

*Девушка
на качелях*

Татьяна Трoнина

Девушка на качелях

«ЭКСМО»

2011

Трoнина Т. М.

Девушка на качелях / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2011

Она нежна, светла и чиста, как ангел, она до сих пор невинна. Она выглядит лет на двадцать пять – никто и никогда не дал бы Агнии ее тридцать четыре. Есть у нее одна страсть – «Призрак Оперы», этот фильм она пересматривает снова и снова, с его сюжетом пытается соотнести свою скромную жизнь. А уж когда в эту жизнь вдруг врываются страсти, когда двое мужчин начинают смертельную борьбу за ее руку и сердце, Агния окончательно понимает, что «Призрак Оперы» – это знак судьбы. Но кого же выбрать ей? Кто из ее мужчин добро, а кто зло? То, что жизнь сложнее романтической сказки, девушке пока еще не приходит в голову...

© Трoнина Т. М., 2011

© Эксмо, 2011

Татьяна Тренина

Девушка на качелях

В мечтах приходит он,

Он снится мне...

(Из мюзикла Э. Л. Уэббера «Призрак Оперы»)

Агния всегда, сколько себя помнила, могла с легкостью заплутать в двух соснах. Да-да, именно в двух, а не в трех. Как только ей предстояло сделать осознанный выбор – свернуть направо или налево, произнести «фенóмен» или «феномéн», понять, когда ее ждут в гости (во вторник в четыре или в четверг в два), – она начинала отчаянно сомневаться.

Если действовать приходилось бессознательно, не думая, сразу, или вариантов было больше – Агния не ошибалась. Но стоило задуматься, засомневаться, вот как сейчас, – и все.

...Выйти на станции надо там, где первый вагон из центра или где последний? Кажется, где первый! Нет, все-таки где последний...

Агния стояла посреди платформы и вертела головой, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, хоть какой-то знак, напоминание, которые позволили бы ей выбрать правильное направление (зрительная память у Агнии была хорошей). Но тщетно – эскалаторы на обоих концах платформы выглядели абсолютно одинаково. И от указателей тоже не было толку – и тот и другой выходы вели к одному и тому же большому московскому проспекту. И одинаковые рекламные плакаты по обеим сторонам туннеля...

Первый или последний? Первый?.. Последний?..

Собираясь в поездку, девушка не захватила с собой бумажку с подробным описанием маршрута, ведь она, Агния, уже ездила сюда один раз! И совсем недавно, всего две недели назад... Тем более от метро до той конторы, куда она направлялась, не так далеко...

Загвоздка в одном – в какую сторону сейчас повернуть?..

Ах да, есть же квитанция! Хотя толку в ней... В квитанции лишь адрес – проспект, номер дома.

Спросить?

– Простите, дом семьдесят два – это в какую сторону? – обратилась Агния к проходившей мимо женщине.

– Не знаю.

– Простите, а вы не подскажете? – метнулась она еще к кому-то. – Дом семьдесят два – куда?

– Нет, я не знаю.

– Простите, а... – Агния повернулась – на нее надвигалась медно-смуглая физиономия, с черными непроглядными глазами, аж до бровей заросшая сизой разбойничьей щетиной... Точь-в-точь с плаката «Их разыскивает милиция». Впрочем, сейчас в Москве у половины прохожих такие... э-э... лица. – Нет-нет-нет, ничего, все в порядке, спасибо!

Агния нервно метнулась к тому выходу, который был чуть ближе. «Подумаешь, ерунда... Выйду, разберусь. Тут идти-то...»

Эскалатор потащил Агнию в город.

Едва только ее выплеснуло вместе с толпой из стеклянного вестибюля наружу, Агния поняла – выбор был сделан неправильно. У *того* выхода – никакого сквера не наблюдалось.

Здесь же широкой снежной полосой тянулся сквер, за ним шеренгой – сталинские дома. Между домов в одном месте ширился просвет, где на фоне серого неба возвышались четкие контуры толстых, страшных труб теплоцентрали... О, значит, туда. Трубы – это ориентир.

Агния пожалела о том, что не оделась теплее. Но тогда бы в метро было жарко. Нет, все-таки лучше вспотеть, чем замерзнуть... Очередной промах!

Свистел поземкой холодный зимний ветер, серое небо давило на голову, безжалостно сжимало виски – даже непонятно, то ли это слышался стук отбойных молотков с ближайшей стройки, то ли пульсировал в ушах кровоток...

Конец февраля. Кажется, до счастья, до весны то есть, совсем близко, но нет – еще ждать и ждать тепла, солнца. Март тоже наверняка будет неотличим от зимних месяцев. И апрель может снегом удивить. Да и май, если вспомнить, часто дышал Арктикой... А лето такое короткое! Может, счастья нет вообще?

...Агния шла по утоптанной дорожке, зажимая у горла (чтобы не так сильно дуло) воротник черного демисезонного пальто.

И тут – бац! Под ноги ей прыгнул разноцветный мяч.

Агния остановилась как вкопанная. К мячу бежал карапуз лет пяти – в комбинезоне малинового цвета, укутанный в шарф (один румяный нос торчал). Непонятно – мальчик, девочка ли...

– Привет! – дружелюбно сказала Агния. – Лови...

И мыском сапога она отбила мяч, да так ловко, что малыш поймал его прямо в руки и захохотал – удивленно, счастливо... И тут же снова кинул мяч Агнии. Агния опять перебрала его ребенку.

– Ну все, беги, мне некогда! – весело сказала она. – Пока-пока!

– Пока! – радостно крикнул малыш. И убежал.

В конце сквера Агния зачем-то оглянулась, замерла – ребенок уже лепил вместе с отцом (а кем же еще?) снеговика, рядом возились другие дети, сторонкой стояли мамы и оживленно болтали, притоптывая ногами от холода.

Ребенок в малиновом комбинезоне с хохотом принялся бодать уже готового снеговика.

– Катя, ну вот, ты все разрушила... Катя! – укоризненно сказал мужчина.

«Это девочка. Девочка и ее отец. Папа и дочь».

Девочка Катя, совсем разыгравшись, пыталась уже забросать отца снегом.

– Катя, ну что ты делаешь...

– Папа, и ты! И ты!

Отец схватил свою Катю поперек туловища, затряс, подбросил, перевернул, макнул в сугроб. Катя совершенно не сопротивлялась – она безудержно хохотала.

Агния смотрела на эту сцену с улыбкой, забыв обо всем. Они так смешно возились, так радовались друг другу, что нельзя было не любоваться ими.

– Катя, ну все, пора... Мама ждет.

– Нет. Еще! Еще гулять!

– Катя... Катя-Катя-Катенок! Все, домой. Обедать пора.

– Не хочу. Еще! Па-а-а...

– Катя, каждый раз одна и та же история – то ты не хочешь гулять идти, то тебя домой не загонишь. Пойдем. Мама ждет.

– Па, еще! – Катя обняла отца за ноги, подняла румяное от мороза личико, на котором нестерпимо сияли счастливые, хитрые глаза...

– Все, я сказал. Домой! – с притворной суровостью произнес отец, схватил дочь под мышку и широко зашагал к дому. Катя заверещала, но даже в этом вопле было больше веселья, чем возмущения.

Только тогда Агния очнулась от забытья. И побежала, чувствуя, как леденеют ступни в осенних сапожках.

Через подземный переход перебралась на другую сторону проспекта, там – под горку, мимо автомастерской, мимо каких-то скучных конструкций из железа, напоминающих ангары...

Вот и он, многоэтажный офисный центр. Проходная, стеклянный холл с дерматиновыми диванами, одинаковые коридоры, лифт. Нет, лифта тут не дождешься, проще пешком – на третий этаж-то!

На третьем этаже располагалась гарантийная мастерская известной фирмы – Агнии надо было забрать ноутбук, у которого вдруг стали залипать кнопки. Еще вчера ей скинули на мобильный эсэмэску о том, что ремонт «успешно завершён».

В коридоре сидели люди – человек пятнадцать, не меньше. О том, что очередь тут одна для всех, для сдающих технику и для забирающих ее, Агния уже знала. Поэтому сразу спросила:

– Кто последний?

Негромкие разговоры, бубнеж телевизора на стене, чьи-то взгляды...

– Кто последний?

– Я не последний, за мной мужчина занимал, куда-то отошел... Но на всякий случай на меня ориентируйтесь, девушка.

– Хорошо, спасибо. – Агния прислонилась к стене – все стулья были заняты.

На Агнию пялились двое – девица лет шестнадцати с нахальным выражением лица, жующая жвачку, и мужчина лет шестидесяти, с бородой, как у Карла Маркса.

Агния отвернулась.

– Какие у вас волосы, девушка, – приветливо произнесла женщина рядом. – Неужели свои?

«Какое счастье – до сих пор девушкой называют!» – мелькнуло в голове у Агнии, и она тоже приветливо ответила:

– Да.

– Потрясающе, – с уважением и восхищением произнесла женщина. – Чем-то особенным пользуетесь?

– Нет, что вы... От природы такие, – улыбнулась Агния.

Девица с жвачкой хмыкнула и отвернулась. Мужчина с бородой почтительно вздохнул и произнес лирично, негромко, куда-то в сторону:

– Бывают же такие красавицы...

Агния уже привыкла к тому, что на нее часто обращают внимание. Причиной были ее волосы – длинные (ниже талии!), густые, светло-пепельного оттенка. Обычно Агния заплетала их в косу, а сегодня сделала нечто вроде «греческого» хвоста – туго завязала на затылке, потом еще несколько раз перехватила резинками и заколками по всей длине волос. И не коса, и не хвост получился, а так... живенько.

Очередь двигалась довольно быстро – в приемной сидели несколько сотрудников. Агния прикинула – еще минут пятнадцать, и она будет свободна.

На экране плоского телевизора, висевшего на стене, бегали футболисты. Потом в уши полезла реклама. Пошла заставка перед фильмом. И... и – он. Ее любимый фильм!

Агния в первый момент глазам своим не поверила, когда увидела мерцающую свечу на темном фоне. Да, транслировали тот самый, *ее* фильм. И это было странно, дико – в какой-то конторе, среди толпы, услышать знакомую дивную музыку, от которой у Агнии каждый раз начинало щемить сердце...

Агния зажмурилась и зажала уши. Пусть смотрят на нее сейчас как на дурочку... Наплевать. Потому что кошунство. Нельзя. Она будет смотреть этот фильм дома, одна. Она ни с кем не разделит свою радость, свое наслаждение...

– Девушка... Девушка, вы спите? – Кто-то коснулся ее плеча.

– А?

– Ваша очередь!

Агния метнулась в кабинет, старательно глядя себе под ноги. Протянула свободной приемщице квитанцию.

– Сейчас принесу... – Приемщица вышла, вернулась через минуту, неся в руках ноутбук. – Здесь распишитесь. Все, можете забирать.

– Спасибо. – Агния запихнула ноутбук в специальную сумку, выскочила из кабинета. Вслед ей лились звуки музыки – они словно пытались ее догнать, лианами обвить ее сердце, лишить чувств, разума...

Лишь стоя внизу, в стеклянном холле, Агния позволила себе расслабиться.

– Агния Борисовна! Агния Борисовна, это вы?! – чей-то радостный вопль сзади.

Агния оглянулась – навстречу ей, по коридору, стремительно цокала каблукочками юная девушка – с восторженной, изумленной улыбкой на хорошеньком личике. Абсолютно незнакомая.

– Я вас знаю? – доброжелательно спросила Агния.

– Агния Борисовна, я Лена Голикова... Ваша ученица! Вы меня помните?

Ничего себе... Ученица. Привет из прошлого называется. В первый раз...

– Боже мой, Леночка! – растрогалась Агния. – Тебя не узнать! Но если честно – я плохо помню... Ведь столько лет прошло!

– А вы совершенно не изменились! Ни капельки! – сияя глазами, восторженно крикнула Леночка и от избытка чувств даже топнула ножкой. – Я сразу вас узнала. По волосам.

– Ну да, понимаю... Меня все по волосам узнают, да. Ты такая взрослая... Сколько же лет?

– Мне? Двадцать! Агния Борисовна, я так рада! Послушайте, это хорошо, что я вас нашла. У нас весной, в начале мая, будет встреча одноклассников, вы приходите...

– Я не знаю... А разве меня кто-то помнит? Вы же тогда совсем маленькими были...

– Да вас все, все помнят! Мы вообще вас очень хорошо вспоминаем! Да вы вообще были самой моей любимой учительницей, вообще самой-самой...

– Леночка, милая... – Агния засмеялась, приобняла свою бывшую ученицу.

– Вы ведь больше не преподавали, нет? Жалко! Приходите на встречу обязательно, вот моя визитка, созвонимся, ладно?

– У меня нет визитки, но... – замялась Агния. – Я тебе обязательно позвоню.

– Обещайте, что позвоните! – обрадовалась Лена. – И обещайте, что придете. Я прямо в шоке... И я не вру, что вы совсем не изменились! Вы прямо... вы прямо как моя ровесница, да!

– Скажешь тоже... Мне тридцать четыре. Какая я ровесница! А как ребята? Ты учишься? А другие? Все хорошо? – взволнованно спросила Агния.

– Да! У нас почти все поступили, – энергично закивала Леночка. – Я тоже учусь, на третьем курсе. А тут подрабатываю, оператором. На полставки. На последнем этаже компания по продаже бытовой техники – чудо-швабры и прочая ерунда... Маврин Гоша и Люда Рожкова поженились, представляете? Бахмин после восьмого уехал с родителями в Америку. Что еще? А, да – Рахматуллин актером стал и уже снимается вовсю, сериал про эту безумную семейку смотрели на ТВТ? Вот Марат там Макса играет! Да, да! – оживленно тараторила Леночка.

– Боже мой, Рамиль – актер... И Гоша с Людочкой... Ребята, какие же вы молодцы!

– Нет, это вам спасибо, Агния Борисовна, что вы такая... Это ведь так важно – первый учитель! От него столько зависит... Правда-правда, мы вас все помним и любим! И прозвище у вас такое милое...

– Какое прозвище? – опешила Агния.

– Как? Вы не знаете? – засмеялась Леночка. – Мы вас называли Рапунцель.

– Как?! Рапунцель? О-о... – засмеялась шокированная Агния. – Что ж, подходящее прозвище, милое... Я не обижаюсь! Рапунцель, надо же...

– Ну все, Агния Борисовна, – заторопилась Леночка, – я побежала, а то меня выгонят с работы. А вы приходите к нам на встречу, обязательно приходите!

– Я постараюсь... До встречи, Леночка!

Бывшая ученица ускакала – звонкий перестук ее шпилек растаял в глубинах огромного офисного здания, а Агния все еще стояла в холле, растерянно и счастливо улыбаясь.

В первый раз за столько лет она встретила кого-то из своих учеников! Ее узнали и добрые слова еще сказали... Как же приятно, как трогательно!

До сегодняшнего дня Агния была уверена, что те годы, которые она работала учительницей младших классов, растаяли, растворились в потоке времени, исчезли навсегда. Ее забыли, равно как и она сама почти забыла о том, кем была когда-то. И вообще, подумаешь – учительница... Всех ли учителей помнят?

Десять лет назад Агния, выпустив своих ребят из начальных в средние классы, навсегда ушла из школы. Проработала она в ней всего три года. А ее помнили, оказывается... Даже если Агнию помнила одна примерная девочка-припевочка Леночка Голикова, щедрая на комплименты, все равно приятно. Говорит – узнала по косе...

«Приду!» – выдохнула Агния, решив, что обязательно пойдет на встречу выпускников. И, окрыленная, выскочила на улицу, в начинающиеся зимние сумерки.

И только тогда вспомнила – она не проверила, работает ли ноутбук. Расписалась в ведомости не глядя – скорей, скорей, лишь бы не вслушиваться в волшебную музыку, и удрала.

«Ты проверила? Они точно все починили?» – обязательно спросит дома отец.

«Нет. Ты понимаешь, там столько народу, конвейер из людей, никто не проверяет... – растерянно ответит ему Агния. – А тут тратить время на включение-выключение компьютера...»

«Ты что? Зачем обязательно включать? – мгновенно раздражаясь от ее тупости, возразит отец. – Ты хотя бы могла нажать кнопки на клавиатуре – залипают они или нет?! Это всего пара секунд! Ты – это – могла – сделать?»

Молчание. Она промолчит, ужасаясь собственной недогадливости. И в самом деле, отчего было не нажать пару кнопок на клавиатуре...

«Ты расписалась, что претензий к ремонту не имеешь?» – новый хлесткий вопрос.

«Да, папа».

«А на хрена? Я ж тебе сколько раз говорил, пиши – «вещь получила, работает она или нет – не проверяла». А так получается, что они ремонт выполнили, к ним претензий нет. Я тебя сколько раз просил об этом помнить?»

Молчание. Она замрет, ужасаясь собственной забывчивости. И в самом деле, отчего ей было не сделать эту маленькую, но такую важную приписку в ведомости...

«Папа, но... Ноутбук по-прежнему на гарантии. Ничего страшного! Я еще раз съезжу туда».

И тогда отец начнет орать.

«Нет, но это ж надо... Как дятел, годами твержу одно и то же... Бесполезно! Ничего страшного, говоришь? А тебе охота туда-сюда лишний раз мотаться? Я поражаюсь... Пары секунд нет, чтобы на кнопки понажимать, а полдня на поездки по Москве – есть! Уроды... Все уроды. Купил ноутбук – он екнулся, пары месяцев не проработал. Известной фирмы, недешевый... Не за пятнадцать тыщ, а за сто. Уж, кажется, должен был работать. Так нет... Уроды! Китайцы его ногами, что ли, в подвале делали? И купил ведь в хорошем магазине, не на распродаже... Блин, ни на кого нельзя надеяться, все работают спустя рукава, тупые свиньи!...»

Вот что будет, когда Агния придет домой.

Соврать, что проверила? А если там опять какие-то кнопки не работают? Нет, врать нельзя, отец сразу чувствует, врет она или нет. Если соврет – начнет орать еще сильнее.

Только бы ноутбук работал! Только бы все было в порядке... А уж в следующий раз она, Агния, в точности исполнит все указания отца!

Отец Агнии, Борис Николаевич, был человеком вспыльчивым и громогласным. Обязательным и требующим обязательности от других. Он – профессионал, который вокруг себя хотел видеть тоже профессионалов. Он отвечал за свою работу – и ждал такой же ответственности от окружающих. А окружающие отличались, как назло, исключительной безалаберностью и безответственностью!

Отец, конечно, с легкостью мог купить новый ноутбук – взамен сломанного. Сто тысяч не были для него огромной суммой. Но разве дело в деньгах?

Отец был очень принципиальным – и поэтому отправил Агнию со сломавшимся ноутбуком в гарантийную мастерскую.

«Ничего, может, все обойдется... Ноутбук нормально работает, это же хорошая фирма, не ширпотреб... Чего я так нервничаю? Все в порядке, зачем заранее переживать!» – уговаривала себя Агния.

Она усилием воли заставила себя отвлечься и снова вспомнить о своем любимом фильме («Приду домой, посмотрю еще раз, от души – в тишине и одиночестве!»), потом принялась перебирать подробности сегодняшней встречи с Леночкой...

«Узнала меня по косе! Я и не знала, что дети мне дали прозвище – Рапунцель. Какое милое прозвище, прелесть! Рапунцель-Рапунцель, спусти свои косоньки!»

Агния скинула капюшон, тряхнула головой, отбросив волосы назад, и почувствовала, как затылок приятно оттягивает. До метро она шла с непокрытой головой, горделиво задрав подбородок. Краем уха поймала в который раз восхищенный шепоток: «Смотри, смотри, какие волосы!», «Нет, это ненастоящие! Настоящих таких не бывает!»

Все это (и прозвище, и шепоток) приятно грело сердце, успокаивало. Утешало. Уверяло в том, что она, Агния, – все-таки необыкновенная и особенная. Штучный экземпляр. Хорошая.

Агния снова скользнула в стеклянные двери метро – на этот раз она шла к «правильному» вестибюлю. Она успевала доехать к дому до часа пик. Час пик был плох не только давкой в метро, но и тем, что Агния часто цеплялась за что-нибудь волосами. Обычно она перебрасывала косу на грудь и прятала ее за лапами пальто, но сегодня, как уже упоминалось, голову Агнии венчала не коса, а сложный «греческий» хвост. Его, конечно, можно тоже спрятать под пальто, но тогда красоты уже не будет...

Агния прошла через турникет. Большая сумка – не тяжелая, но объемистая – мешала. Люди толкались о сумку.

– Осторожней, девушка! – болезненно воскликнула немолодая женщина с измученным, измятым лицом, вся седая.

– Простите. Ой! – Тут уж Агнии кто-то наступил на ногу, но она привычно отреагировала: – Простите!

В ответ ей сверкнула золотыми зубами очередная разбойничья физиономия.

На эскалаторе Агния разглядывала рекламные плакаты, растянувшиеся вдоль свода. Распродажа шуб и меха, скидки до семидесяти процентов. Купить, что ли, шубку? А есть ли смысл? Все равно погода в Москве такая... не зимняя. Это сегодня что-то похолодало, а так обычно – слякоть и сырость.

Тот, кто стоял за Агнией, ворочался и слегка толкал ее в спину. Потом задел волосы. Агния нетерпеливо дернула головой, но не обернулась. Обычное дело.

...Сидя в вагоне и прижимая к груди сумку с ноутбуком, девушка думала уже о том, как расскажет Инге о сегодняшней встрече с Леночкой. «Инга, ты не представляешь – я встретила свою бывшую ученицу. И она узнала меня! Такая славная... Весной пойду на встречу со своими подопечными. Все-таки в профессии учительницы есть что-то особенное, высокое... То недолгое время, что я работала в школе, оказалось не напрасно проведенным!»

Инга – лучшая и единственная подруга Агнии. Они учились вместе в педагогическом. После института Агния ушла сразу в школу. Ингина же специализация – английский язык – очень пригодилась для работы в иностранной компании. Инга в ней до сих пор и работала. Подруга всем была довольна – и заработком, и офисным покоем (а в школе покой только снится), и возможностью карьерного роста... Но и Агния, уйдя из школы, устроилась не хуже – к отцу под крылышко. Или хуже?..

...В шестом часу Агния была уже дома. Скинув с себя пальто, сразу же вытащила ноутбук, принялась нажимать на кнопки. Кажется, все в порядке...

С облегчением вздохнув, Агния отправилась в свою комнату. В узенькой и тесной гардеробной, отмахиваясь от нависавших с потолка вещей, переоделась, затем пошла на кухню. В половине седьмого придет отец и потребует ужин. Отец очень строго относился к домашнему питанию. Чтобы никаких полуфабрикатов – одни полноценные, натуральные, свежие продукты! И побольше специй, душистых трав – майорана, базилика, шалфея, шафрана, розмарина, перца...

– А это что?.. – Агния страхнула с плеча домашнего платья из черного бархата несколько волосков. К бархату все легко липло... Еще волосы. Еще... Ее, Агнии, длиннющие волосины! «Господи, я что, лысею?» – недовольно подумала она.

Только тогда Агния подошла к зеркалу. Забранные назад волосы, открытый лоб. Агния повертела головой, чувствуя все ту же приятную тяжесть, оттягивающую затылок назад. Но что-то не то... Агния подняла руки, начала ощупывать свой «греческий» хвост. И ахнула.

Сзади, у самой головы, была тугая резинка. А дальше волосы должны были струиться свободно – до следующей перехватывающей резинки, потом опять свободно, потом снова перехватывались (в сущности, «греческий» хвост напоминал обыкновенную связку сарделек). Но... на первом же промежутке они не струились. Часть волос провисала, словно... отрезанная?!

Агния тоненько застонала и принялась лихорадочно распутывать все эти резинки, отстегивать заколки – надеясь, что ошибается. Но нет – едва она только распустила свой хитроумный хвост, как часть волос упала к ее ногам бесполезной, мертвой прядью. Агния снова подняла руку – именно там, на первом «перехвате» и были отсечены волосы. До того отрезанная прядь держалась в хвосте, скрепленная с основной массой волос всеми этими резиночками и заколочками...

– Мама... Мамочка! Да что ж это такое?! – прошептала Агния, не желая верить в произошедшее.

Ее охватил ужас и такая безнадежная, ледяная сердце тоска... Словно Агния только что лишилась ноги или руки. Ее волосы! Она лишилась своих чудесных волос! Ее уже никогда не назовут Рапунцель. Ее, без косы, не узнают бывшие ученики. Она станет как все. Ее лишили того единственного, чем она выделялась из толпы, из серой массы одинаковых людей. Украли красоту, украли лицо, украли жизнь...

Сколько лет она растила волосы? Лет пятнадцать, не меньше... И что, еще пятнадцать лет растить?

А может, не все так безнадежно? – затрепетала Агния. Если убыток незаметен?

Она схватила второе зеркало и с его помощью осмотрела то, что у нее творилось сзади на голове.

Нет, все безнадежно – волосам был нанесен непоправимый ущерб. Агния лихорадочно попыталась заплести косу, но отрезанная часть была слишком велика, а то, что ниже, – так жиденько, так жалко... И ведь как коротко то, что осталось! Теперь волосы даже в куцый хвостик с трудом соберешь. А с этими, длинными прядями что делать? Нет, никуда не деться, придется тоже срезать.

Кто, зачем это сделал? Когда?

Скорее всего – когда она возвращалась из гарантийной мастерской. В метро, на эскалаторе. Да да, именно там, на спуске, все и произошло! Кто-то ворочался сзади, задел ее волосы – а Агния даже не повернулась. Там, точно. А она даже не почувствовала, как ей кромсают хвост. Дома отрезанные волосы уже стали выбиваться из прически и...

Агния, закусив губу, подняла с пола пряди и понесла на кухню, к мусорному ведру. Ее душили слезы. Кто, зачем? Как страшно, жутко... Может, какая-то ведьма хотела навести на нее порчу? Нет, ерунда. Она, Агния, никому дорогу не переходила, да и волосы так и остались висеть сзади, увязанные в хвост. Для наведения порчи нужно было вытащить волосы из прически – а это Агния уж точно почувствовала бы. То есть это не колдовство, это... это, скорее всего, зависть. Зависть к красивой прическе. Это сделала какая-то сумасшедшая. «Ах, у тебя коса? Ничего,отрежем ее, не будешь больше выпендриваться!»

И ведь именно сегодня это произошло, когда Агния встретилась со своей бывшей ученицей, когда испытала столько радости, счастья... Выходит, заплатила за них. Агния попыталась вспомнить в мельчайших деталях, что тогда произошло в метро – чьи лица промелькнули, когда она входила в вестибюль, протискивалась через турникет, что видела, вцепившись в поручень эскалатора одной рукой, а другой прижимая к себе сумку с ноутбуком? Но ничего не смогла вспомнить. Обычные лица, обычные люди. Отец скажет, что она опять все проходила. «Тебе бы голову стали отпиливать – ты и то бы не сразу заметила!» – вот что он еще скажет. И начнет орать – какие люди уроды, как надо быть все время начеку, а она, Агния, вечно ушами хлопает... И отец будет прав.

«О господи... папа! Сейчас же придет папа, а у меня еще ничего не готово!» – спохватилась Агния.

Она подбежала к окну и сквозь слезы увидела машину отца на дворовой автостоянке. Он только что приехал. Агния смахнула слезы... Отец в этот момент как раз вылез из своего «Лексуса».

Издали Борис Николаевич Морозов, отец Агнии, казался совсем молодым, несмотря на значительно поседевшую шевелюру. Стать, движения, четкая и чуть развязная походка были свойственны скорее тридцатилетнему, чем мужчине пятидесяти девяти лет. Отец даже в самые лютые холода не носил головных уборов, полушубков, тяжелых сапог, утепленных мехом. Только демисезонное пальто из черного кашемира, длинное, на шелковой подкладке, пошитое в Италии, всегда нараспашку, со свободно висящими полами. Осенние туфли. Символическое кашне еще – дорогое, стильное. Отец – пижон и мачо!

Отец был сильным человеком и окружавших его людей хотел видеть тоже сильными, собранными. Он бесился, когда дочь плакала, поэтому Агния при нем старалась не раскисать.

Через пять минут хлопнула входная дверь.

– Агуша, ты здесь? – весело и бодро закричал отец. – Я пришел!

Агния постаралась успокоиться, но у нее ничего не получилось – слезы так и текли из глаз.

– Агуша, ты привезла мой ноутбук? Его починили? Ты проверила? – Отец вошел на кухню. – А, вот ты где... Я, кстати, ужинать не буду, мы с Полиной идем в ресторан. В театр, а потом в ресторан, – уточнил он и насторожился: – Э, да что с тобой?

Быстрым шагом Борис Николаевич приблизился к дочери, заглянул ей в лицо:

– Ты чего реवेशь?

– Папа... Папа, случилась ужасная вещь... Вот! – Агния перекинула оставшиеся волосы вперед, себе на грудь.

– Что? Что ты мне показываешь? – с недоумением, настороженно спросил отец.

– Мне в метро отрезали волосы! – скороговоркой выдавила из себя Агния и с новой силой залилась слезами.

– Да-а?! – Отец помолчал. – Охренеть. Кто?

– Я не знаю...

– Как – не знаю?

– Я не видела! Это было на эскалаторе... Я даже ничего не почувствовала... Только дома увидела!

– Тебе отрезали волосы, а ты ничего не почувствовала? – отчетливо произнес отец, глядя дочери в глаза. – Ты что, под наркозом была?

– Нет. Но... Так, как будто задели случайно... я привыкла, что цепляюсь за все волосами, думала, что и сейчас ничего особенного, а пришла домой, и...

У отца было то самое выражение лица, которого Агния боялась больше всего, – гневное. В бешенстве отец был страшен – орал так, что стены тряслись. На дочь он никогда не поднимал руку, но Агния несколько раз видела, как отец ввязывался в драку.

Чаще всего мордобой начинался во время дорожных происшествий. Отец прекрасно водил машину и люто ненавидел «тупых чайников». Вот «чайникам» и доставалось – когда они на дороге создавали аварийную ситуацию. Тогда отец коршуном выскакивал из машины, выдергивал из-за руля нерадивого водителя, валтузил его, таскал за волосы...

Еще был случай – отец вцепился в какого-то малолетнего хулигана, демонстративно бросившего обертку от мороженого посреди улицы. Не бил, но ткнул того лицом в грязь под ногами – знай, мол, щенок, как гадить в общественном месте. Особенно же Агнии запомнился эпизод с молодым человеком, вздумавшим оскорбить Полину. Тогда дело чуть не дошло до травм-пункта... К счастью, юноша сообразил вовремя извиниться.

Отец нападал на своих противников с такой яростью, так стремительно, с таким праведным гневом в глазах (как будто даже смерть не могла отвратить его от расправы с очередным «уродом»), что всегда выходил из потасовки победителем. К тому же внешний вид отца – лохотный и холеный – навевал мысли, что он, верно, из тех, кому закон не писан. Это было ошибочное впечатление – отцу, юристу по образованию, закон как раз и был писан...

Но таков уж был у Бориса Николаевича темперамент... Правда, на работе, общаясь с клиентами, он оставался безупречно вежлив. Но это с клиентами...

Поэтому Агния боялась лишний раз вызвать гнев отца. Да, он никогда не бил ее, а вдруг сейчас ударит? Или нет, не ударит даже, а убьет, доведенный до последней черты тупостью Агнии...

– Агния, ты спятила? – процедил отец. – Тебе косу пилили, а ты что – так ничего и не поняла? Что за бред?!

– У меня не коса была... У меня хвост... «греческий»... ты его еще связкой сарделек называешь! Ножницами, наверное, щелкнули – и... Я только дома заметила! – икая и всхли-пывая, с трудом прошептала Агния.

– Уроды... – тихим и страшным голосом произнес Борис Николаевич. – И что, ничего никто не заметил? Люди ж вокруг...

– Нет. Никто. Ничего.

– Одевайся. Пойдем. Быстро, я сказал!

– Куда? – совсем ошалела Агния.

– В милицию, куда. Заявление напишешь. Пусть ищут гада.

– Папа... Папа, нет! – в ужасе закричала Агния. – Я никуда не пойду! Все равно же не найдут!

– Если не искать, то и не найдут!!! Я сказал – одевайся, пошли!

Выносить свое горе на люди Агнии совершенно не хотелось. Не то чтобы она не верила в справедливость... Она не верила в то, что ей станет легче, даже если виновного найдут и накажут. Она не хотела свидетелей своего несчастья. Не хотела расспросов, не хотела внимания к своей персоне... Проще было умереть, чем куда-то пойти, кому-то пожаловаться – чужому, циничному, равнодушному.

– Папа!

Глаза отца стали совсем белыми от гнева. И в этот момент спасительной трелью прозвучал звонок домофона. Секунда, другая... Выражение лица Борис Николаевича вновь стало нормальным. Он стремительно, впечатывая каблук в кафель, вышел с кухни.

Агния перевела дыхание. Насколько отец был вспыльчивым, настолько же и легко после этого отходил.

– Да, – слышала его голос Агния. – Нет. Нет, хрен с ней, с этой Лидией Трофимовной... Пошли ее, Эдик, куда подальше. Без ее подписи обойдемся. Да, вот что... зайди. Нет, не поэтому... Зайди. Все, жду.

Скорее всего, отец сейчас говорил с Эдуардом Ореховым, который жил в соседнем подъезде. Отец с Эдуардом в последнее время часто пересекались, поскольку Борис Николаевич не так давно был выбран старшим по дому. И с того же времени жильцы дома разделились на два враждебных лагеря – тех, кто жаждал сделать автостоянку вместо двора, и тех, кто был против этого. Кроме того, отец с Эдуардом лоббировали установку автоматических ворот возле дома, чтобы никто из посторонних в их двор не ходил и на своих авто не заезжал – машино-места жильцов не занимал. Лагерь противников автостоянки и ворот был неизмеримо меньше.

Эдуард Орехов был майором милиции – замначальника ОВД их района. Отец его очень уважал – за то, что Эдуард мыслил совершенно так же, как и он, Борис Николаевич Морозов, владелец частной нотариальной конторы: люди по большей части не соображают, что делают, и таких (для их же блага!) надо постоянно держать под контролем.

...А что, если отец сейчас потребует помощи от Орехова? Дескать, Эдик, помоги, на дочку напали в метро, изуродовали...

Так оно и вышло.

Минут через пять на кухне появились отец с Ореховым. Сегодня Эдуард был в гражданском – джинсы, «алюска» с меховым капюшоном, на ногах берцы... С серьезным, мрачным видом Орехов уставился на Агнию, стоявшую у окна.

– Здравствуйте, Агния Борисовна.

– Здравствуйте, – шепотом ответила Агния.

– Вот, посмотри на нее... Агния, повернись. Я сказал, повернись! – От голоса отца Агния дернулась, словно от удара плетки, и повернулась – так, чтобы Эдуард мог увидеть то, что осталось от ее косы. – Видел? Вот что гады делают...

– Агния Борисовна, это с вами в метро произошло? – спокойно спросил Орехов. – Мы можем вычислить злоумышленника, ведь в метро есть камеры наблюдения...

– Не надо, – просипела Агния. – Ничего не надо!

– Блин, – сквозь зубы произнес отец. – Эдик, поговори с ней ты, у меня уже сил нет...

Борис Николаевич стремительно вышел из кухни. Агния осталась один на один с Ореховым.

– Можно? – Он указал на стул.

– Да, конечно, садитесь... Хотите кофе? – тихо, с тоской спросила Агния.

– Не откажусь.

Эдуард сидел, чуть развалившись, в кресле и серьезно наблюдал за тем, как она сует у плиты.

– Агния Борисовна, у вас есть враги?

– У меня? Нет.

– Вы уверены? – мягко спросил Орехов.

– Абсолютно.

Пауза. Кофе, пенясь, медленно начал приподниматься в турке... Агния выключила газ, налила кофе в чашку, поставила ее перед гостем.

– Спасибо. Садитесь, я не могу, когда вы стоите...

Агния, опустив глаза, села напротив Орехова.

– Вы мне не верите, Эдуард?

– Верю. У вас действительно не может быть врагов. Вы – Агния. Овечка. Кроткая и беззащитная... Агнец божий. Вкусный кофе. – Эдуард поставил чашку на стол, в упор посмотрел на Агнию.

Она физически ощутила тяжесть его взгляда и сникла еще больше. Эдуард вдруг протянул руку, поднял ее лицо за подбородок. Этот жест не мог быть истолкован как фамильярный, грубый или как попытка флирта... Нет. Просто Эдуард Орехов хотел понять ее, Агнию, не давал ей спрятаться в раковину. Этот жест толковался однозначно и просто – «смотри на меня».

«Ну и буду смотреть!» – едва не заплакав снова, подумала Агния. И уставилась прямо в глаза Орехову.

У Эдуарда Орехова были серые, мрачные, колючие, словно февральское небо, глаза. Четко очерченные брови. Нос – не большой, не маленький, а... какой-то типично мужской, с легким, едва заметным изгибом переносицы – наверное, был когда-то сломан. Твердые, плотно сомкнутые губы с морщинками по углам рта. Хорошо выбритые щеки. Кожа лица ровная, но какая-то вся задубелая, жесткая – словно у моряка, просолившегося в долгих плаваниях. Сеточка мелких морщин у глаз. Белесый шрам на лбу, у волос. Сами волосы – густые, мягкие, русые – зачесаны назад, лишь одна упрямая прядь все время съезжала к бровям.

Орехов не был великаном – среднего роста, чуть плотноват (заматерелость взрослого мужчины), но сейчас, сидя в этой куртке, в этих агрессивных сапогах, он показался Агнии таким огромным, страшным, чужим...

Он не был злым, он не представлял для Агнии никакой опасности (как-никак приятель отца, майор милиции, давний сосед по дому), но в нем, именно в нем – таком, каким он был, – и заключалась почему-то угроза.

Эдуард Орехов был типичным представителем мира мужчин. Настоящих мужчин – без слабостей, сомнений, страхов.

Не то чтобы Агнии нравились слабаки и хлюпики – нет... Но в Эдуарде настолько все было мужским, маскулинным – без подтекста, без сложности, без тонкости, без лишних толкований, – что они с Агнией находились на разных полюсах мира.

Невозможно было представить, чтобы они – Агния и Эдуард – когда-нибудь сошлись бы, хоть на один вечер, заинтересовавшись друг другом. Они изначально были чужими (наверное, Эдуард сейчас чувствовал то же самое). Слишком сильный мужчина и слишком слабая женщина. Нет, на вечер, может быть, и сошлись бы, но потом стали бы противны друг другу до тошноты...

Эдуард своим присутствием буквально давил Агнию.

Она вдруг вспомнила, что он всего лишь на шесть лет старше ее. Да, на шесть! Орехову сейчас должно быть около сорока. Не такая уж и большая разница. Но на самом деле между ними лежит вечность. Чужой. Страшный. Нет никаких точек соприкосновения, нет вероятности того, что они сойдутся, и даже если сойдутся – у них не окажется будущего, не возникнет понимания...

«О чем говорить с таким? – продолжала думать Агния. – Как принимать его любовь, его ласку? Это все равно что приручить тигра, хищника... Ведь придется играть только по его правилам. Иначе он раздавит, растерзает, сожрет. С ним, например, бесполезно разговаривать на отвлеченные темы – не поймет».

– Агния Борисовна, почему вы молчите? Вы не хотите найти преступника? – прервал ее размышления требовательный голос Орехова.

Агния машинально провела рукой по волосам.

– Нет. Разве это возможно?

– Возможно... Все возможно, если захотеть.

– Я не хочу.

«Почему я *так* думаю о нем? Что за глупости... Он был два или три раза женат. Сейчас, кажется, свободен. Ну и что? Я его боюсь. И я ему не нравлюсь...»

– Эдуард... – Агния напрягла память. – Эдуард Викторович, со мной все в порядке. Вы... вы, пожалуйста, скажите папе, что... что это происшествие нельзя распутать, и все такое... И он успокоится! Вы же можете на него повлиять, да? Пожалуйста!

Орехов встал (в серых глазах его мгновенно потух, выключился всякий интерес к Агнии) и ответил равнодушно:

– Дело ваше...

Через секунду он вышел из кухни.

После его ухода Агнии не стало легче. Она и раньше никогда не общалась особо с Ореховым, так – «здрасте-до свидания», даже в детстве они были в разных компаниях, два разных поколения... Но тяжесть сегодняшнего общения с ним, наверное, еще не скоро исчезнет. Вроде и не говорил ничего такого, и не делал – а вот хоть на стену лезь после его ухода!

Агния осталась сидеть на кухне. Потом услышала, как хлопнула входная дверь. На кухню зашел отец, недовольно сморщился:

– Все ревешь?

– Нет, папа, я успокоилась.

– Зря ты от помощи Эдика отказалась.

– Мне не нужна помощь, – робко произнесла Агния.

– Глупая. Глупая ты! – с досадой воскликнул Борис Николаевич. – Глупая жаба-ага! Могла бы пофлиртовать с ним. Э, даже на это мозгов не хватает!

Отец с досадой махнул рукой и снова вышел.

Агния взяла швабру и принялась протирать пол – на нем остались следы от ботинок Орехова.

Протерла пол в кухне, потом выбралась в коридор, стала тереть паркет там.

Дверь в гостиную была распахнута.

Отец перед зеркалом поправлял пиджак.

– Ага, запонки помоги вдеть, – не отрывая глаз от зеркала, бросил отец.

Ага. Именно Ага – от жабы-аги. Отец дразнил дочь то Агушей, то жабой-агой – существовала в природе такая лягушка...

– Да, папа.

От отца пахло мужскими духами. Серебристо-перламутровые пряди седых волос, нежнейшее, матовое мерцание ткани его костюма, свечение отполированной кожи дорогих ботинок... Бриллиантовые сполохи запонок... Отец был весь словно столб света. Он тихонько напевал что-то себе под нос. А если напевал – значит, уже был в прекрасном настроении. Удивительно, как легко Борис Николаевич отстранялся от всего плохого, грустного! Агния так не могла – она днями и неделями переживала насчет какой-нибудь мелочи, и переживания эти, словно ржавчина, разъедали ее душу...

– Куда вы идете с Полиной?

– На мюзикл.

– Да? – обрадовалась непонятно чему Агния.

– Да уж не на твой любимый, не надейся... Твой у меня – уже вот где! – Отец провел ребром ладони по горлу. – Плечи почисть.

Агния аккуратно, специальной щеткой, прошлась по костюму – ни одной соринки, ни одной пылинки.

– Благодарю.

Агния вышла из гостиной. Снова взялась за швабру.

Отец говорил по мобильному:

– Алло, Полина... Ты как? Да, уже выхожу, через полчаса заеду. Послушай, у меня к тебе просьба – ты своей матери намекни, что мы...

Отец вдруг замолк. Оглянувшись, увидел Агнию. И, не меняя выражения лица, захлопнул дверь в гостиную.

Не то чтобы этот жест обидел Агнию. Но... Она вдруг поняла, что отцу было совершенно безразлично то, что она думает, чувствует сейчас, после происшествия в метро. Конечно, отец по-своему любил дочь, переживал за нее (вон чуть в милицию ее не потащил, заявление писать, Эдуарда Орехова даже призвал для помощи). Но Борису Николаевичу и в голову не пришло ее пожалеть. Сказать какие-то добрые слова...

«Хотя это все глупости, – мрачно подумала Агния. – Он мужчина. Он не обязан сюсюкаться. Вот если бы была жива мама...»

Агния, убравшись, ушла к себе в комнату.

...Мама умерла восемнадцать лет назад, когда Агнии, соответственно, едва исполнилось шестнадцать. Это случилось внезапно – раз, и все... Сердце.

Самым горьким было то, что Агния в этот момент находилась в летнем лагере под Геленджиком и ничего не знала. Агнии не позвонили, не вызвали в Москву телеграммой – ничего... Она вернулась в конце августа – веселая, загорелая, с чемоданом, набитым галькой, ракушками и дешевыми сувенирами, – открыла дверь в квартиру и...

Из гостиной вышел отец:

– Агния, мужайся. Мамы нет.

– Как – нет? А где она?

– Она умерла.

Агния тогда так и рухнула возле дверей. Отец говорил и говорил... Не сразу Агния поняла, что мама умерла уже довольно давно, три недели назад. Маму схоронили, дочери ничего не сообщили.

– Но почему?! Я бы... я бы с ней простилась! – растерянно пробормотала тогда Агния (даже в страшном горе она не могла в открытую спорить с отцом).

– А смысл? Что, это бы вернуло маму к жизни? – жестко возразил отец. – Тебе стало бы легче от этого прощания? А мне каково? Я и так тут весь на нервах, тебя еще утешать! А так лишних три недели покоя... Я тебе три недели нормальной жизни подарил! Господи, как ты не понимаешь... Ты маму мертвой не видела, ты весь этот тягостный кошмар с похоронами не знала! Ты мне спасибо должна сказать!

В словах отца имелась своя логика. А и правда – выдержала бы она, Агния, все эти испытания, если бы была тут?

С тех самых пор Агния автоматически стала хозяйкой дома – на нее перешли все домашние обязанности мамы. Ну не мог же, в самом деле, отец заниматься бытовыми проблемами?

Несколько раз нанимали приходящую домработницу, но чужого человека ни отец, ни Агния не могли вынести. Агния тушевалась, а отец гневался – его раздражали «тупые клуши». Так и договорились в конце концов – дом будет на Агнии.

Новую жену Борис Николаевич так и не привел. Были, конечно, пассии, и много – но все ненадолго.

Последний год отец встречался с Полиной – девушкой, на пять лет младше Агнии.

Знакомых это не удивляло – отец был настолько моложав, жив, блистателен, что было бы странно, если бы он выбрал себе в подруги какую-то замшелую тетку. Ну а что касается Агнии...

Агния отца не осуждала. Да, немного неприятно, что мачеха моложе падчерицы... Но кого это сейчас волнует? Все свободны, все можно. Условностей нет. Агния – не ханжа. Пусть отец живет, как хочет.

– Агуша, я ушел, – крикнул из коридора отец. – Пока! Буду поздно. А может, и вовсе не буду... Да, ты на работу завтра не ходи. Можешь дома отдохнуть денек.

Хлопнула дверь.

Агния посидела еще немного в кресле, потом протянула руку к пульту. Вспыхнул экран телевизора. Еще несколько раз пощелкала кнопками, и на широком плазменном экране появилась знакомая картинка (диск из DVD-проигрывателя Агния практически не вынимала). Итак, ее любимое кино. Ее мюзикл.

На темном фоне замерцала свеча.

Каждый раз, когда Агния видела эту короткую заставку, сердце ее сжималось – от надвигающегося волшебства, от грядущего наслаждения... О, когда в жизни женщины нет ничего – только романтическая история может ее утешить, наполнить существование смыслом. Впрочем, даже самым счастливым женщинам и тем, наверное, трудно жить без красивой мелодрамы – воплощенной в фильме ли, в книге... Не важно. «Над вымыслом слезами обольюсь...»

Тайна. Роковые страсти. Приключения. Мечь. Ревность. Самопожертвование. Печаль. Радость...

Ничего этого не было в жизни Агнии и, как она справедливо подозревала (все-таки не совсем дурочкой являлась), уже никогда не будет. Потому что она не героиня романа, она – Агния, кроткая, безответная овца, в принципе не способная высекать бурные чувства из сердца мужчины. Яркие страсти бывают только у ярких людей, всем остальным, таким, как Агния, – достаются лишь вялотекущие будни семейной жизни (это в лучшем случае), в худшем – полное одиночество.

Первые кадры фильма – черно-белые. Так режиссер фильма Джоэль Шумахер выделил 1919 год, начало истории. В настоящем престарелый виконт Рауль де Шаньи, сидя в инвалидной коляске, присутствует на аукционе, где распродают имущество когда-то известного и блистательного театра – Опера Популер. На продажу выставлена забавная игрушка – обезьянка с тамбуринами, которую недавно нашли на развалинах театра. В хорошем состоянии. На аукционе присутствует и старуха – они с виконтом обмениваются холодными кивками. Когда Агния смотрела этот фильм в первый раз, она не поняла, кто этот старик, кто старуха – пока не досмотрела историю до конца...

Но теперь она знала, что старуха – это мадам Жири, которая когда-то приглядывала за хористками в Опере. Мадам Жири – воспитательница Кристины. Кто такая Кристина, кто она виконту? Но о Кристине позже...

А пока, в черно-белом, холодном, бесприютном настоящем, – престарелый виконт торгуется за игрушку.

Зачем ему эта игрушка? Что там было, в прошлом виконта, что творилось в стенах полуразрушенной ныне Оперы?.. Неужели прошлое нельзя вернуть, неужели воспоминания лишь сон?

Нет!

Джоэль Шумахер, силой, данной ему продюсерами, с помощью компьютерной графики, под необыкновенную музыку Эндрю Ллойда Уэббера, поворачивает жизнь назад, воскрешает прошлое, возвращает молодость виконту и всем участникам той истории...

Опера Популер на глазах зрителя расцветает красками, Шумахер сдувает пыль, стирает морщины...

И в ярких цветах, в ослепительном свете газовых рожков вспыхивает прошлое многолетней давности. Тысяча восемьсот семидесятый год. На сцене поет Карлотта, примадонна. Смешная, капризная, вздорная. Вечный сюжет – примадонна взбрыкивает из-за какой-то ерунды и отказывается петь. Тогда отчаявшиеся владельцы театра, от полной безнадежности, соглашались прослушать молоденькую и никому не известную хористку Кристину Дайе.

Вот она, Кристина. Робко выходя к рампе, она поет так, что у всех сносит крышу... Браво, новая примадонна! И юный, пылкий Рауль, один из покровителей Оперы, узнает в Кристине девочку, в которую был влюблен в детстве. Да и вообще он никогда не переставал ее любить. О, эта бессмертная, единственная страсть Рауля, виконта де Шаньи, – красавца, нежного, отважного, пылкого... Любовь на всю жизнь. Любовь – и на после смерти. Вечная.

...Заливаясь слезами, Агния следила за тем, что происходило на экране, среди роскошных декораций: в театре – на фоне миллиона свечей или на кладбище, где теснились надгробия в стиле поп-барокко, над которыми стелился туман, и на белом снегу пылали розы... Агния смотрела этот фильм не меньше чем в сто двадцать пятый раз, он ей не мог надоесть. Даже больше, мюзикл Шумахера – Уэббера стал ее утешением, ее любовью. Он, фильм, сейчас успокаивал ее, а вовсе не отец.

(Тут необходимо заметить, что у Агнии был еще один любимый фильм – «Титаник» с Леонардо Ди Каприо и Кейт Уинслет. Она тоже любила его пересматривать, но «Титаник» заканчивался трагично, так что этот фильм тяжело было смотреть слишком часто.)

Итак, Рауль и Кристина – счастливы вместе. Но тут появляется он. Он – Призрак Оперы!!! Страшный урод, прячущийся в подвалах театра, гениальный и зловещий Призрак.

Призрак тоже до безумия любит Кристину, но его любовь темна, опасна, жестока. Он утешает Кристину в подземелья, и тогда звучит главная тема, главная мелодия мюзикла. Необыкновенно красивая – от которой у Агнии всегда холодели руки, замирало сердце и мурашки бежали по спине, – «In sleep he sang to me...».

Сколько раз Агния смотрела свой обожаемый мюзикл, столько раз пыталась понять, кто ей нравится больше – Рауль или Призрак. И тот, и другой были по-своему хороши. Свет и тьма. Кажется, очевидно – надо выбрать свет, но разве устоишь перед силой чувств Призрака... Да и как не пожалеть его, бедного, вынужденного скрываться от людей? Но Рауль такой милый, такой красивый, отважный...

Господи, да кого же из них выбрать?! Кому отдать сердце – окончательно и бесповоротно?..

Раулю?.. Или Призраку Оперы?..

* * *

Мужчина, играющий с маленькой дочерью в сквере, Леночка Голикова, ноутбук, метро. Эскалатор – словно глотка чудовища, засасывающего в себя толпы людей...

Агния открыла глаза. И вспомнила.

Волосы!

Что теперь делать? Как жить?

Она скосила глаза на часы – начало десятого утра. Протянула руку за мобильным.

– Алло! – бойко отозвалась Инга. – Агнет, привет!

– Ты на работе?

– А где мне еще быть?..

– Я боялась – вдруг разбужу. Инга, у тебя есть знакомая парикмахерша? *Хорошая* парикмахерша?

– Конечно, есть, – снисходительно-приветливо ответила подруга. – А ты для кого просяшь?

– Для себя.

– Для себя?! Ты решила подстричься?!

– Не спрашивай, лучше дай телефон. Мне срочно! – простонала Агния. – Я сейчас не в том состоянии, чтобы объяснять...

– Но ты мне расскажешь?!

– Обязательно. Но потом.

– Ладно, – напористо произнесла Инга. – Я тебе даю телефон и адрес, а вечером мы с тобой встречаемся. Нет, можно даже не вечером, я после обеда могу освободиться. Да что там... Я сбегу с работы, лишь бы на тебя посмотреть! Пиши: мастера зовут Наташа, салон на Садовом, неподалеку от Красных Ворот...

Агния после разговора с Ингой сразу же позвонила в салон – к счастью, Наташа сегодня работала, и утро у парикмахерши тоже было незанятым.

Агния быстро умылась, оделась и, накинув на голову капюшон, вышла из квартиры. Причем, прежде чем открыть дверь, она долго прислушивалась к тому, что происходит в подъезде, – не ходит ли кто из соседей по лестничной клетке, свободен ли лифт... Ей ни с кем не хотелось встречаться.

Во дворе было пусто. Серые высокие сугробы на газоне, голые ветви кустов. Это были кусты сирени. В мае они дивно цвели, а сейчас выглядели так уныло, так мрачно...

Агния быстро пошла через двор (а не вдоль дома, по тротуару), чтобы сократить расстояние до арки – там был выход на улицу. Многоквартирный дом нависал над ней, и девушке вдруг показалось, что за черными окнами стоят люди и смотрят на нее сверху: «Глядите, глядите – вон она, Агния Морозова, у которой волосы отрезали!»

Хлопнула дверь – Агния замерла. Из первого подъезда вынырнула долговязая фигура в черном. Черный зимний спортивный костюм, черные волосы до плеч, рюкзак за спиной... Харитонов, кажется.

С Харитоновым Агния даже не здоровалась, хоть тот и являлся ровесником Эдуарда Орехова (да они оба, кажется, были когда-то одноклассниками – Орехов и Харитонов). Не потому не здоровалась, что Агния с Харитоновым находились в контрах, а просто так уж повелось с самого детства. Ни Харитонов ее не замечал, ни она Харитонova. Конечно, они знали друг друга в лицо, но разве это повод для вежливости?..

Вот ее отец Харитонов откровенно терпеть не мог, называл его «уголовником», «костоправом» и «наглой рожей, пакостником». В последнее время ненависть отца к Харитонову усилилась, поскольку тот был против автостоянки и ворот.

А Харитонов вдруг остановился, закурил.

Агния замерла – она сейчас находилась за кустами и обуглившимися сугробами. Наверное, Харитонов заметил, что кто-то там стоит... Но Агнии в любом случае не хотелось идти мимо него. Он стоит, она стоит... Еще есть время.

Харитонов курил, мрачно оглядывая двор. Похоже, ему было наплевать на Агнию, он думал о чем-то своем.

Выглядел Харитонов не в пример хуже своего ровесника Орехова – нескладный, небритый, патлатый. Хотя, если честно, Агнии нравились длинноватые волосы у мужчин (не длинные, а длинноватые). Рауль из ее любимого фильма имел такие же волосы.

Харитонов был бледнокожим, с узким длинным лицом, с длинным же носом. Мрачный, непонятный тип. Кто он, чем занимается, почему отец настроен против него?

Стал бы сосед из первого подъезда слушать Агнию, если бы она вдруг заговорила с ним? Была бы она ему интересна?..

Наверное, при виде любого мужчины женщина разгадывает одну и ту же загадку – могут они быть вместе или нет?

Если с Ореховым ситуация казалась понятной – нет, не могут, то с Харитоновым все оставалось в неопределенной дымке. Может, да, а может – нет.

Неожиданно Агния вспомнила картинку из детства: поздняя весна, компания из старших ребят во дворе, среди них Эдуард и Харитонов. Кажется, Харитонova зовут Глебом. Нет, Гришей, Гришей, точно!

Так вот, сидят они, старшие, во дворе, смеются, кто-то играет на гитаре... Между прочим, юный Гриша Харитонов и тогда был нескладным, тощим и патлатым! Но к чему эти воспоминания?

...Харитонов докурил сигарету, бросил ее себе под ноги (ух, увидел бы это отец!) и зашагал к арке. Агния с облегчением вздохнула и, выждав еще пару минут, тоже решительно направилась к арке.

Через полчаса девушка вышла из метро «Красные Ворота». Не то чтобы Агния была уже спокойна, нет... Но она уже смирилась со своей участью. Пусть стригут. Она находилась в том состоянии, которое в психиатрии называют «скорбное бесчувствие». Когда ничего не печалит и ничего не радует.

Мелодично звякнул колокольчик над дверями.

– Здравствуйте, вы к кому? – сладко-сладко пропела администраторша.

– К Наташе, на одиннадцать.

– Прошу...

Небольшой зал был пуст. Наташа – молодая девица с теми же «сладкими» повадками (и почему работники сферы услуг так пошло себя ведут?) – усадила Агнию в кресло.

– Стричься? Ой, а что это у вас с волосиками?... В метро отстригли? Ой, какой ужас! В наше время только на машине можно по городу передвигаться... Дураков полно! Ну ничего, ничего, сейчас мы все поправим!

Агния призналась, что практически никогда не стриглась.

– Придется вот такой длины волосы оставить... – со скорбным вздохом произнесла Наташа. – Чуть-чуть до плеч не будут доставать. А длиннее никак нельзя – видите, у вас тут так срезано, да еще под таким углом... Но вы не переживайте, вам пойдут короткие волосы.

– Каре, может быть? – прошелестела Агния.

– Каре? Нет, что вы! Боб! Только боб. И филировку сделаем, затылочек приподнимем...

– Боб так боб, – кротко согласилась Агния, которая понятия не имела, что такое этот «боб». – Вам виднее.

– И покрасить бы волосики... А то, вы уж простите, ваш собственный оттенок такой... немножко невыразительный. Серенький. Я бы чуть посветлее сделала.

– Светлее? – растерялась Агния. – Это что же, в блондинку? Н-не знаю... А может, потемнее?

– Как – темнее? – испугалась Наташа. – У вас же глаза светлые, светло-серые... Так что вы после покраски будете вся такая светленькая. Беленькая, точно ангел. Как? Красим?

– Красим, – обреченно кивнула Агния – все равно уже терять нечего. Теперь ее беспокоило лишь одно – чтобы Наташа сделала свою работу качественно. Если новая прическа окажется нелепой, несуразной и – упаси бог! – кривой, с неровно торчащими прядями – отец заклатит скандал. Заставит дочь снова идти в салон, возвращать деньги, писать жалобы и т. д. и т. п. Отец требовал, чтобы Агния никогда не спускала дуракам и разгильдиям. Нельзя поощрять халатность и непрофессионализм! «Чтоб еще за собственные деньги тебя так бездарно обкорнали!» – скажет отец, если стрижка ему не понравится.

– И укладочку делаем, да?..

Рекомендация Инги, хороший салон, немалые деньги за работу, которые назвала Наташа, определив объем работ, – все это, конечно, внушало оптимизм, но... Разве в наше время можно кому-то верить?

Наташа недрогнувшей рукой срезала у Агнии оставшиеся длинные пряди и стала мешать в плошке краску.

– Сначала красим, потом стрижем, – объяснила Наташа.

Затем шустро, разделяя волосы прядь за прядью, принялась мазать голову Агнии какой-то сине-фиолетовой пахучей гадостью. Но почему синей? Наверное, Наташа что-то напутала с

цветом. «Ужас...» – с безнадежной тоской подумала Агния и, не желая видеть свое отражение в зеркале, а также не в силах сопротивляться, закрыла глаза.

– Так, сидим двадцать минут, потом смываем...

Пришли посетители – в соседних креслах кого-то стригли, красили, шумел фен... Агния окончательно впала в прострацию и не заметила, как летит время.

– Идем-идем-идем, головушку мыть...

После мытья Агнию посадили обратно в кресло, Наташа сняла с ее головы полотенце – и вправду, волосы стали как будто светлее. «Уф, хоть не синяя», – с облегчением вздохнула Агния. Пока ничего катастрофического не произошло.

Наташа защелкала ножницами. Долго-долго стригла, потом вооружилась феном... И затем филировочными ножницами принялась елозить по оставшимся волосам, да так безжалостно – только клочья полетели в стороны! Агния опять в ужасе закрыла глаза.

– Ну-с, открываем глазоньки, посмотрим!

Агния, не питая никаких иллюзий, с тоской открыла глаза.

– Как? По-моему, неплохо. Вам, кстати, короткая стрижка больше идет, – щебетала Наташа. – Затылочек немного скошенный, а я его приподняла, видите? И челочку сделала. Смотрите, как с челочкой хорошо, а? Прелесть! И волосы можно укладывать. Когда у вас волосы длинные были, с ними ничего нельзя было сделать, они от собственной тяжести распрямлялись. Да, вы теперь даже можете не укладывать особо – вымыли, гелем намазали, феном с диффузором посушили, и все!

Агния смотрела в зеркало и не понимала – хорошо или плохо получилось. Кажется, не криво – и то ладно.

– Личико только бледное, надо бы подкраситься, – опять защебетала Наташа. – У нас как раз специалист по макияжу свободна, хотите?

– Хочу, – сказала Агния. Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей.

Специалист по макияжу, молодая, полная, шумная, с энтузиазмом принялась малевать Агнии лицо.

– Смотрите, как я брови подвожу... И тени вот так, в углах глаз растушевываю... Румяна чуть-чуть, на выступающую часть скул...

– Я не буду похожа на матрешку? – робко проямлила Агния.

– Так мы ж неярко... Губы вот таким оттенком, персиковым...

Агния посмотрела на себя в зеркало – кажется, действительно неярко. А что, вполне прилично. Нормальное лицо, нормальная прическа. Обычная девушка. Отец, пожалуй, не погонит ее в салон скандалить и возвращать назад деньги.

– Мне нравится! – признательно улыбнулась Агния. – Спасибо...

Она вышла из салона, лишившись значительной суммы. «Все-таки умеют они разводить на деньги... Ну да ладно, чего теперь!»

Агния достала сотовый.

– Алло, Инга... Я освободилась. Ты как? Хочешь увидеть меня стриженной?

– Да! Да!!! Давай через полчаса, у моей работы. Там как раз напротив новое кафе открыли, я еще в нем не была...

Агния пешком, по Садовому, направилась в ту сторону, где располагался офис Инги.

Было довольно прохладно – около нуля, ясный, белый свет пробивался сквозь облака. Снега не было.

Скинув капюшон, Агния шла вдоль витрин и с жадным любопытством смотрела на свое отражение в стеклах. Не узнавала. Очень уж непривычно. И как-то легко голове, волосы не тянут вниз... Опять же челка эта...

Агния повертела головой. Невысокая, худенькая девушка со светлыми пушистыми кудрями – одуванчик, да и только. Трогательно и мило. Пожалуй, ей идет стрижка.

Агнии сначала было трудно признаться себе в этом. «С косой тоже было хорошо. Да еще с такой косой, как у меня! Трагедии, конечно, нет, но очень, очень жалко потерять такие длинные волосы, какие были у меня!»

Рядом засигналила машина. Агния обернулась – водитель глядел на нее, приветливо махал рукой. Не бандит, не урод, вполне нормальный мужчина с внешностью яппи...

Агния пожала плечами и зашагала вперед. Навстречу шел еще мужчина и смотрел на нее. Смотрел прямо в лицо. Потом вдруг заметил ее взгляд, нахмурился, опустил голову.

Агния оглянулась – тот прохожий все еще глазел ей вслед.

«Интересно, что все это значит, может, у меня тушь потекла?» Агния снова уставилась в очередную зеркальную витрину. Там отразилась милая, трогательная, словно ангел, небесно-нежная, задорная, застенчивая девушка. Очень юная. Она?! Она.

С каждым шагом, с каждым взглядом, с каждой прожитой минутой Агния все яснее замечала, осознавала те перемены, которые произошли с ней. Не сразу до ее сознания достучалась мысль: «Я красива».

Она и раньше, с косой, выглядела вполне хорошо и тоже нравилась окружающим... В основном добродушным тетенькам и пожилым дяденькам. Но сейчас... Сейчас она была не примерной паинькой, сейчас она была – женщиной. Красивой. Раньше люди смотрели на ее косу, теперь – на ее лицо. «Это – я? Неужели это я?!»

Агния ловила взгляды прохожих. Потом кто-то зазывно закричал – басом, с мольбой:

– Девушка, а девушка, который час?

– Ах, отстаньте... Я не знаю. Да вон же часы! – Агния уже находилась в смятении, взбужденная, потрясенная. Она еще никогда не испытывала подобного.

Это ощущение было сравнимо со счастьем. Быть красивой – счастье. И пусть другие – не идеальные, обделенные природой – твердят, что они и так хороши, что надо любить себя такими, какие они есть – то есть любить толстыми, кривобокими, коротышками, лысыми, старыми, что каждый человек красив по-своему... Но боже мой, какое это лицемерие, какая ложь! Только восхищенные взгляды прохожих могут подарить это счастье, только внимание мужчин...

«Выходит, я должна быть благодарна тому, кто отстриг мне в метро волосы? Выходит, да... Как там у классика – «Я – часть той силы, что вечно хочет зло и вечно совершает благо»? Интересно, а что скажет Инга?»

Зазвонил сотовый.

– Алло...

– Ты где? – Инга. Легка на помине!

– Я рядом. А ты где?

– Я уже внутри. Японское кафе, там на витрине суши нарисованы...

– А, вижу!

Через пару минут Агния уже заходила в кафе. Здесь было довольнолюдно – время бизнес-ланча. Агния огляделась – и в углу, около окна, обнаружила Ингу. Ингу всегда было легко найти в толпе – по рыжим буйным кудрям, рубенсовским роскошным формам. Инга смотрела прямо на нее, на Агнию, и жевала хлебную палочку. Лицо подруги ничего не выражало.

«Инге не понравилась моя новая прическа?... Почему она так равнодушна?» – расстроилась Агния.

Она подошла к столику, за которым сидела подруга.

Инга смотрела словно сквозь Агнию. Потом, нахмурившись, отвернулась и принялась нажимать кнопки на своем сотовом.

– Инга!

– А? – От неожиданности Инга чуть не выронила телефон. Взгляд ее вдруг сфокусировался. – Агнет... Ты?..

– Я.

– О-о... О-ой! – Зрачки у Инги расширились, стали бездонными. – Агнета, я... ты... – Пауза. – Как же тебе хорошо!!!

– Тише, тише, не кричи.

– Я в шоке! Тебе так хорошо, так хорошо!!! – страстно воскликнула Инга и от избытка чувств даже завывала.

– Да тише ты... – засмеялась Агния, очень довольная тем впечатлением, которое произвела на подругу.

– Морозова... Нет, не могу поверить! Я же сколько помню, ты все время с одной и той же чухонской косой...

– Чухонской? Ты же говорила, что она меня украшает и вообще... редкое явление? – с иронией напомнила Агния.

– Да мало ли что я говорила! Теперь-то видно, какая ты! Прелесть. – Инга немного успокоилась. – Девушка! – подозвала она официантку. – Дайте еще меню, пожалуйста. Я, пожалуй, выпью. Не хотела, а... Пива, ноль пять.

– Сейчас же еще не вечер... – напомнила Агния. – Девушка, а мне, пожалуйста, глинтвейна. И вот этих роллов, – она ткнула пальцем в картинку на развороте меню.

– Да, и мне тоже роллов. И суши. И сашими. И вот этот салат. И еще мидии... – Сделав заказ, Инга вновь впилась взглядом в Агнию: – Агнет, ты знаешь, на кого сейчас похожа?

– На кого?

– На Мэг Райан в юности. Точно такой же типаж.

– Я не помню Мэг Райан...

– Да господи, звезда мелодрам! – рассердилась Инга. – Снялась в фильмах «Город ангелов», «Французский поцелуй», «Вам письмо», «Дурман любви»...

– Я не помню...

– Ах, ну да, ты ж у нас один «Призрак Оперы» смотришь, я и забыла. Агнета, теперь ты живо найдешь жениха и бросишь меня. С кем мне теперь ездить по Золотому кольцу? С кем ходить по музеям? С кем ходить на разведку в новые кафе?

Агния засмеялась, Инга всегда говорила в подобной манере – полушутя, полусерьезно.

– Ты послушай, почему я решила подстричься... Это же целая детективная история! – спохватилась Агния. – А дело было так. Да, кстати, еще кое-что вспомнила! В общем, начну с конца, с самого интересного...

И Агния, которая теперь воспринимала вчерашнее происшествие иначе, уже не так трагично, пустилась в рассказ – подробный, закрученный, словно триллер. Жаль только, что преступник (маньяк с ножницами, подстерегающий девушек на эскалаторах метро!) так и останется неизвестным.

Инга ужасалась, ахала, прижимала ладони к щекам, жадно пила пиво и от избытка чувств глотала роллы, почти не жуя.

– ...И почему, почему со мной так поступили? – то и дело вздыхала Агния, уже без надрыва, но с удивлением.

– Из зависти! У тебя же шикарная коса... Но это только к лучшему. Ты теперь прекрасно выглядишь! И вообще, все, все сложилось исключительно удачно.

– Но как я теперь пойду к своим ученикам? Я ведь до этого жуткого происшествия встретила Леночку Голикову, свою бывшую ученицу.

– Кого?!

– Да-да, представь, бывшую ученицу! И она меня узнала! По косе! Ты ведь помнишь, как я целых три года была учительницей в начальных классах?

Снова ахи, охи, прижатые к щекам ладони, пиво и еда, которую Инга стремительно забрасывала в себя, словно кочегар в топку – уголь. Верно, от переживаний Инга не отдавала себе отчета, что делает.

– ...А чего жалеть о волосах? На встречу с бывшими учениками можно прийти и без косы... Девушка! Еще вот этих роллов мне принесите. И пива, еще ноль пять пива!

– Инга, остановись, – засмеялась Агния.

– Я не могу. Это нервы. И вообще... Я думаю, в наше время нельзя передвигаться по Москве пешком. Слава богу, что все так удачно закончилось и ты особо не пострадала, но... мало ли еще маньяков вокруг ходит!

– И что теперь делать?

– Как – что? Ездить на машине. Это безопасней.

– Да, безопасней! – недоверчиво нахмурилась Агния. – Так я только косу потеряла, а на машине в аварию попадешь – с жизнью распрощаться можно!

– Но ты будешь аккуратно ездить. Ты ведь не лихачка!

– Инга, милая, я право и лево путаю, я газ от тормоза не отличу!

– Да, что правда, то правда, – задумавшись, согласилась Инга. – Я тебя знаю. Газ от тормоза, да... Проблема.

– И потом, откуда у меня деньги на машину? – продолжила Агния. – Нет, допустим, на «Жигули» двадцатилетней давности я смогу накопить, но...

– Как? А кредит на что? И потом, разве отец тебе не поможет?

Агния пожала плечами. Ей вдруг стало неловко.

– А почему это отец должен мне помогать? – выдавила она с натужной иронией.

– Потому что он твой отец и небедный человек. Потому что мы не в Америке, а в России – тут принято помогать своим детям, – быстро возразила Инга.

– Вот он мне и помогает. Я работаю у него.

– И сколько он тебе платит? – не отставала подруга.

– Да уж больше, чем зарабатывала в школе!

Инга замолчала, серьезно глядя на Агнию. Потом улыбнулась:

– Ладно, не будем об этом. Ох, Агния, Агния... Как же тебе идет эта стрижка! Я тебя просто не узнаю. Пойдем на следующие выходные в Дом фотографии? Там новая выставка...

– Я постараюсь.

– Я бы еще в Суздаль съездила... Говорят, зимой там необыкновенно... Скоро Масленица. Я обожаю Масленицу. Встретить Масленицу в Суздале, с блинами! Это сказка. Блины... ммм! – Инга мечтательно облизнулась.

...Подруги вышли из кафе только через час.

– Чего-то как-то тяжело... – вздохнула Инга, повиснув у Агнии на локте. – Как-то мне... нехорошо.

– А не надо было столько есть! – привычно напомнила Агния. – Такси, может быть, пойдем?

– Какое такси! Ты посмотри – все Садовое стоит.

– Вот! А ты говоришь – машина, машина... Ладно, идем, я тебя провожу.

Они побрели по заледенелому тротуару. Дом Инги был не так уж далеко.

Инга, только что веселая, оживленная, сникла и замолчала.

– Да что с тобой? – удивилась Агния.

– Как-то... нехорошо, – уныло повторила подруга. – Те роллы были лишними, точно.

Они прошли еще пару кварталов.

– Агния, стой. Сейчас... Отдышусь.

– Тебе плохо?

– Как-то... Ой, нет, пошли быстрее!

Теперь девушки почти бежали. Инга молчала, уже ни на что не обращая внимания, забыв обо всем. Бледная, сосредоточенная, с испариной на лбу.

– Инга?

– Так и крутит, так и крутит в животе... – пожаловалась бедняжка. – Ой, давай быстрее!!!

Они бегом, минут за пятнадцать, кое-как добрались до дома Инги. В лифте Инга тихонько постанывала и дрожала. На вопросы Агнии не отвечала, видимо, захваченная какой-то одной мыслью.

– У тебя есть лекарства дома? От живота? – спросила Агния.

– Н-нет... Н-не знаю... Ой! Да где же ключи?!

Они вбежали в квартиру. Инга бросила на руки Агнии шубку и стремительно скрылась в туалете.

– Инга, я не буду раздеваться на всякий случай, я в аптеку пойду... – сообщила Агния.

Шум воды. Стоны.

– Инга!

«Нет, это невозможно...» Агния постучала в закрытую дверь.

– Ты как?

Инга вышла минут через пять, измученная, бледная.

– Ты посиди со мной... – едва слышно попросила она.

– Да, конечно!

– У нас там, в аптечке, есть лекарства, никуда не ходи...

Инга напилась таблеток, легла на диван.

– Ты вся бледная... – с ужасом произнесла Агния. – И у тебя озноб. Может быть, врача вызовем?

– Нет. Нет... Я просто съела лишнего... Ой! – Инга вскочила с дивана и вихрем умчалась. Вернулась минут через десять, уже не бледная, а белая какая-то, с мокрыми волосами, с синюшными подглазьями – утопленница, да и только.

– Инга, плохо? Давай врача вызовем, а? – жалобно взмолилась Агния.

– Нет. Я родителям позвонила. Через час они приедут.

Инга полежала еще несколько минут на диване, потом снова выбежала из комнаты.

– Инга, ты как хочешь, а я в «Скорую» звоню! – дрожащим голосом вслед ей закричала Агния.

Было слышно, как в туалете Ингу мучительно рвет.

Агния набрала «ноль три».

– Алло, «Скорая»? Пожалуйста, приезжайте. Кажется, моя подруга отравилась. Что? А, ей тридцать четыре... Мы были в кафе, ели суши... Что? Нет, со мной все в порядке... Адрес? Диктую... – Агния, сбиваясь, продиктовала адрес. – Когда? Ждем.

Инга вышла в коридор, еле держась на ногах.

– Мне плохо, Агнета... – едва слышно прошептала она. – Я умираю.

Агния подхватила ее под руку, дотащила до дивана.

– Ничего-ничего... Сейчас врачи приедут!

– Мне плохо, – одними губами произнесла Инга, и глаза у нее вдруг закатились – она потеряла сознание.

– Инга! Инга! Ой, мамочки... – Агнию охватил такой мучительный страх, что она даже перестала соображать – птицей заметалась по комнате, натываясь на мебель.

«А если она умрет?! Ох, что же я ее родителям скажу... Она же их единственная дочь... Какой ужас!»

И в этот момент в дверь позвонили. Агния бросилась к дверям, трясущимися руками принялась открывать замки. В «глазок» она даже не посмотрела.

Одним движением Агния рванула дверь на себя и оказалась лицом к лицу с... Харитоновым. Это было так неожиданно, так внезапно, что Агнии показалось, будто она сама сейчас находится в бреду. Меньше всего она ожидала увидеть именно этого человека. В этом столкновении – нос к носу, сейчас – заключался какой-то парадокс. Ведь ни разу в жизни она с ним не поздоровалась – там, в их дворе. А вот здесь, в другой части Москвы, находясь в доме чужом, она говорит ему:

– Здра... здравствуйте.

Лицо у Харитонova было абсолютно непроницаемым – как, наверное, у любого человека, чья профессия связана с общением со множеством людей. Глаза – светло-голубые, ясные, чуть навывкате.

– Здравствуй, – дружелюбно и в то же время абсолютно спокойно ответил Харитонов. – Где больная?

– Здесь... Проходите, пожалуйста, – отходя назад, на автомате произнесла Агния.

– Здравствуй, – вслед за Харитоновым вошла крупная, коротко стриженная женщина средних лет, которая несла в руках довольно большой чемодан. И Харитонов, и его спутница были одеты в спецодежду синего цвета, со светоотражающими полосками – как и полагается работающим на «Скорой» людям. И от обоих крепко пахло табаком.

«Теперь понятно, почему отец называл Харитонova «костоправом»... Он – врач! Он, наверное, утром как раз шел на дежурство...» – подумала Агния.

Тем временем женщина в комнате мерила у Инги давление. Та уже пришла в себя и тихонько постанывала.

– Что случилось? – обернулся Харитонов к Агнии.

– Мы были в кафе. Ели суши. Потом ей стало плохо...

– Тошнило?

– Что? А, да, – растерянно произнесла Агния.

Харитонов тем временем заставил Ингу показать язык, ощупал живот.

– Вера Петровна, давление померь...

– Любит наш народ суши, – недовольно произнесла женщина – Вера Петровна. – Охота людям эту дрянь есть! То и дело травятся... Замучились на вызова ездить!

Харитонов тем временем что-то писал в карте, сидя за столом.

– Вера Петровна, вколите больной... – он неразборчиво произнес название лекарства.

– И что теперь будет? – растерянно произнесла Агния.

– Что-что... в больницу вашу сестру повезем, – буркнул Харитонов.

Агния в этот момент стояла позади него. Волосы у Харитонova были темные, он то и дело заводил пряди за уши. Если бы не кургузая спецодежда, то он здорово смахивал бы на Рауля. По крайней мере, со спины.

«Почему он говорит – «сестру»? Он что, не узнает меня?» – подумала Агния.

– Она не сестра, она подруга. Сейчас ее родители приедут, – зачем-то уточнила Агния.

Ингу вновь начало мутить.

– Вера Петровна, надо ей желудок промыть...

Пока врачи возились с Ингой, Агния не знала, что ей делать, куда приткнуться, и все время думала о том, почему Харитонов ее не узнал. Может, он и не смотрел никогда в ее сторону, время от времени сталкиваясь во дворе многоквартирного дома? «Ах да, я же подстриглась! – озаарило Агнию. – Ведь даже Инга меня не узнала сегодня...» Агния решила сказать доктору, что они соседи.

Она подошла к дверям, ведущим в коридор – там Харитонов разговаривал по телефону:

– ...да, отравление. Ну что-что... Понос и рвота. Куда везти? В Боткинскую? Хорошо.

Агния онемела. Нет, она была вполне современной девушкой, жила в Москве, передвигалась по городу в общественном транспорте и уж, кажется, ко всему должна была привыкнуть.

Но чтобы человек столь благородной профессии, к тому же отдаленно напоминающий Рауля, виконта де Шаньи из «Призрака Оперы», говорил... Э-э, ну, эти слова...

После промывания Инге сделали еще укол.

– Ну как, поехали, девушка? В Боткинскую, хорошую больницу... Собирайтесь.

Инга, до того только стонавшая, неожиданно воспряла. Приподнявшись на локте, она заявила голосом четким и твердым:

– Я не поеду, мне лучше.

Харитонов с Верой Петровной кратко, но очень сочно живописали Инге, что с ней может быть, если она не поедет. Вплоть до летального исхода!

В этот момент в квартиру ворвались родители Инги – Антон Иванович и Нина Самойловна.

– Инга, девочка! Птичка! – в ужасе зарыдала крупная и рыжая Нина Самойловна.

– Мы через всю Москву, через пробки... Мчались на всех парах! – Антон Иванович упал на колени перед диваном, обнял Ингу.

– Мапочка... папулик... я отравилась... проклятые суши! – пожаловалась страдальца. – Папулик, они хотят меня в больницу...

– Ой, не могу! – застонала Нина Самойловна. – Агничка, детка, а ты как? Инга, а почему у Агнии все хорошо?

– Она столько не ела, вот почему! – раздраженно и капризно крикнула Инга. При родителях она, особа тридцати четырех лет и девяноста килограммов живого веса, моментально расслабилась, превратилась в маленькую девочку.

Семейная сцена вызвала у Харитонova усмешку. Но Агнии было не до иронии. Она растерянно наблюдала, как Антон Иванович обнимает дочь, как распускает над Ингой крыла Нина Самойловна... Столько любви, столько нежности! Смешно, трогательно... До слез.

– Так, вы собирайтесь, будем ждать вас внизу, у «Скорой»... – скомандовала Вера Петровна. – Тапочки, халат, туалетную бумагу, зубную щетку... Лишнего не берите!

– Агния, ты иди. Мы теперь уж сами... Спасибо! – плаксиво улыбнулась Инга, которая продолжала оживать буквально на глазах. – Вот видишь, как бывает... Я позвоню!

Харитонов с помощницей ушли.

Агния скомканно попрощалась с Ингой, ее родителями и тоже вышла на улицу.

...Уже стемнело – горели фонари вдоль дома, сахарно мерцал синий снег на газоне. К западу, за домами, разливался закатный свет – тоже синий, но уже с такими желтыми, зелено-оранжевыми оттенками, что напоминал скорее раннюю весну, чем зиму. Этот вечерний прозрачный свет заставил Агнию встрепенуться и на миг даже забыть обо всем. Надо же! А еще вчера казалось, будто не будет конца и краю этой зиме...

Чуть в стороне стояла «Скорая». Водителя не было, в полуосвещенной кабине сидел Харитонов.

Он писал что-то в блокноте, потом поднял голову, заметив Агнию.

– Вы с нами? – спросил он, распахнув дверь.

– Нет, – покачала она головой.

Харитонов прыгнул из машины ей навстречу.

– А давайте с нами! – нахально улыбнулся он.

«Какой у него хриплый, грубый голос... Он совсем не похож на доктора. Скорее на уголовника. И Рауля ничем не напоминает!»

– А что вы завтра делаете, девушка?

– Я работаю, – сказала Агния. Было ясно, что Харитонов «кадрился» к ней, только вот совершенно напрасно – ведь она, Агния, не умела кокетничать и флиртовать. Она была проста и скучна. И пуглива. Овца.

– А после работы вы что делаете?

– Послушайте... – покраснев, отважно произнесла Агния. – Что *вы* делаете? Зачем вы ко мне пристаёте? Разве вы не при исполнении?

– А разве вы – моя пациентка? – парировал тот.

– Нет, но...

Агния не успела договорить – из подъезда выкатился Антон Иванович, отец Инги, зама- хал руками перед Харитоновым:

– Все-все-все, спасибо! Мы никуда не едем! Нам хорошо! Агнющечка, спасибо тебе еще раз... Доктор, поезжайте, нам лучше!

– Гриш, они что, они отказываются от госпитализации? – из-за угла вышла Вера Пет- ровна, на ходу запахивая куртку, – в руках она держала блок сигарет. – Мужчина, ну это вы зря...

Агния не стала дослушивать, как препирается Харитонов с отцом Инги, и быстрым шагом направилась в сторону метро.

Она боялась Харитонова – точно так же, как накануне трепетала перед Ореховым. Если Орехов был похож на тигра, то Харитонов напомнил сейчас обезьяну. Не внешне, а повадкой. Какой-то циничный, грубый, откровенно сластолюбивый... Интересно, а как бы он повел себя, если бы узнал в ней соседку, дочь своего недруга – Бориса Николаевича Морозова? Уж, навер- ное, не посмел бы держаться так нахально...

И что самое забавное – если Харитонов сейчас не узнал ее, то что будет, когда он вновь увидит ее во дворе их дома... Ведь рано или поздно они столкнутся...

Станный, страшный мир мужчин. О них, о мужчинах, думаешь, они притягивают, но буквально после нескольких минут разговора понимаешь: с этими существами никогда не будешь счастлива...

...Отца в квартире не оказалось.

Он позвонил около десяти вечера:

– Хэлло, Долли! Ты дома?

– Да, папа.

– Ты меня не жди, я не приду.

– А мне выходить завтра на работу?

– А почему нет? – В голосе послышались раздраженные нотки. – Ты что, больна?

– Нет, я просто... – мгновенно стушевалась Агния. – Я буду. Я просто так спросила...

Отец положил трубку.

«Почему он сказал мне – «хэлло, Долли»? А, это наверное, из мюзикла, который они смотрели вчера с Полиной! Или... или он намекнул на овечку Долли».

* * *

Утром Агния вымыла голову. Она раньше никогда не мыла по утрам голову – по той при- чине, что волосы сохли долго, чуть не полдня. Но теперь, когда от волос практически ничего не осталось...

Агния по совету парикмахерши воспользовалась феном с диффузором. Пока сушила волосы, страшно нервничала – казалось, что только мастер ей теперь может сделать красивую укладку.

Но нет, волосы после фена так мило вились, что этот «художественный беспорядок» выглядел даже лучше, чем вчера – салонные кудри.

– Это я... – пробормотала Агния, разглядывая себя в зеркало. Она снова себя не узнавала и томительно радовалась – себе новой. И ведь такая малость, такая ерунда – стрижка! А уже весь мир перевернулся.

Самым интересным было то, что Агния стала выглядеть гораздо моложе своего возраста. К ней и раньше никогда не обращались – «женщина», а теперь, наверное, вообще – «тыкать» начнут! Лицо словно открылось, в глазах засиял свет, щеки, скулы, нос, губы казались сейчас другими, очаровательными, незнакомыми.

...Нотариальная контора, в которой работала Агния, принадлежала ее отцу, частному нотариусу Морозову Борису Николаевичу, и располагалась в центре Москвы, на одной из тихих улочек Замоскворечья.

Агния опоздала к открытию минут на пятнадцать (все-таки не хватило еще сноровки, когда прихорашивалась по новым правилам...). Вошла в предбанник, где вдоль стен уже сидели посетители.

– Девушка, вы куда? Очередь займите!

– Я здесь работаю. – Агния скользнула за ширму. В закутке она могла переодеться. Помещение нотариальной конторы было небольшим, состояло всего из трех комнат, расположенных анфиладой.

– Агния, доброе утро, – мимо прошла Света, помощница отца. Она, наверное, заметила за ширмой шевеление и догадалась, кто пришел.

– Доброе.

– Зайди ко мне, надо подготовить кое-какие документы, ксерить много придется...

– Да, – отозвалась Агния.

Девушка скинула сапоги, сунула ноги в туфли. Теперь, в белой блузке, черной юбке и черных «лодочках», она полностью соответствовала требованиям отца. Борис Николаевич терпеть не мог неформального вида на работе.

Посетители в предбаннике наперебой рассказывали истории из своей жизни – кто чем болел, чьи дети где учились... Иногда от их разговоров Агнию тошнило – особенно когда разговор заходил о болезнях, описываемых со всякими подробностями.

Агния направилась в комнату, где работала Света.

– ...так, теперь внимательно перечитайте договор и поставьте подпись. Только прошу, без помарок... – У Светы за столом сидел посетитель.

Света подняла голову, оцепенела и буквально прилипла взглядом к Агнии. Сказать, что коллега была потрясена, – значит ничего не сказать. Она была сражена и шокирована. Столько эмоций – и всего-то из-за новой стрижки!

Агнии даже стало неловко.

– Света, что надо отксерить?

Света сглотнула, потом с усилием заставила себя улыбнуться (выражение ее лица при этом оставалось напряженно-взвинченным):

– Вот... в трех экземплярах, на всякий случай.

– Хорошо.

Агния с кипой бумаг вышла в коридор.

– Минутку, прошу, я кое-что уточню... – бросила Света посетителю и побежала за Агнией.

– Агния! Я в себя не могу прийти...

– А что такое? – растерянно улыбнулась Агния.

– Где твои шикарные волосы? – шепотом спросила Света. – Ты что, с ума сошла?

– Ты о чем? – удивилась девушка.

– У тебя же были такие шикарные волосы, зачем ты их отстригла?! – Лицо Светы искажилось – уже и не понять, чего она так волнуется.

Агния встревожилась – она совсем не такой реакции ожидала.

– Разве плохая стрижка? – с тоской, шепотом спросила она. «Господи, может, я чего-то не понимаю... А что скажет отец? Вдруг ему тоже не понравится?!»

– Агния, никакая стрижка не может сравниться с тем, что у тебя было раньше!

В этот момент послышался шум, и в предбанник вошло сразу несколько женщин. Они помогали идти грузной старухе, которая шумно отдувалась и стонала – видимо, каждый шаг ей давался с невыносимым трудом. Старуха опиралась на железную конструкцию, напоминающую табуретку.

– Фаина Рафаиловна, вы присядьте...

– О-ох, сил моих нет...

– Дианочка, держи маму, она сейчас завалится!

Из дальней комнаты вышел отец:

– Вы записаны?

– Да, на одиннадцать! – хором ответили вошедшие.

– А почему на дом нотариуса не вызвали? – с холодным возмущением произнес Борис Николаевич. – Разве вы не в курсе, что нотариус может выехать на дом? Нет, но это ужасно – так мучить пожилого человека...

Ему хором закричали про какую-то доверенность, без которой им жить нельзя.

– Я понимаю, что вам нужна доверенность, но документы можно было оформить, и не гоняя пожилого человека... Прошу вас, проходите сразу ко мне.

Тут только отец посмотрел на Агнию. Несколько секунд – холодный, бесстрастный, ничего не выражающий взгляд от которого у нее мурашки побежали по спине... Посмотрел – и отвернулся равнодушно. Уф, обошлось. Как ни странно, но именно это спокойствие, даже безразличие отца и подсказало Агнии, что Борис Николаевич прическу дочери... скажем так, одобрил.

Света уставилась вслед Борису Николаевичу, быстро облизнула губы. Потом снова повернулась к Агнии.

– Нет, так тоже неплохо... – прошептала коллега с какой-то новой, насквозь фальшивой интонацией. – Не обращай на меня внимания, я просто... я тебя даже не узнала!

Агния пожала плечами. Пока стояла у ксерокса, подумала: «Интересно, у отца со Светой был роман или нет?» Эта мысль возникла в голове Агнии против воли девушки.

Возникла не в первый раз. А что? Свете тридцать шесть – она всего лишь двумя годами старше Агнии. Света работала с отцом уже много-много лет, чуть ли не сразу после школы пришла в эту контору и начинала с должности секретаря нотариуса. Тогда была еще жива и мама Агнии... Нет, именно тогда мама умерла – ровно восемнадцать лет назад. Нынешней пассии отца, Полине, – двадцать девять.

У отца мог быть роман со Светой. Отец любит молоденьких. Отец любит женщин.

Что поделать, он такой. Но лучше бы не знать, не замечать этих быстрых, напряженных взглядов, которые, словно дротики, мечет Света в отца.

Не замечать, как на отца реагируют другие женщины – в его присутствии они подтягиваются, игриво и многозначительно усмеваются, хлопают ресницами, отрепетированно смеются... Это противно. А особенно противны тетки в возрасте – они даже не скрывают своего обожания и восхищения... «Ах, Борис Николаевич, дорогой вы наш!.. Король-лев! Таких, как вы, больше нет!» И отец смеется в ответ, снисходительно кивает престарелым развратницам – словно надежду им всем дает... Отцу нравится, что его любят женщины.

Отвратительно.

Детям лучше не знать об интимной жизни своих родителей. Пусть она, Агния, уже взрослая и многое понимающая женщина, но все равно лучше бы ей этого не видеть...

«Вот бы жить отдельно!» – вдруг озарило Агнию. Как ни странно, но до этого дня подобная мысль даже не посещала ее. А как отец будет ужинать, кто погладит ему рубашки, почистит пиджак?..

Да жена, жена все это будет делать!

«В сущности, отец свободен, живя со мной в одной квартире, а я – нет. Я как в тюрьме, я каждый день сдаю экзамен – ему... Папа даже не думает обо мне, а я – должна все время угадывать, как он отреагирует на мои слова, мои поступки, мой внешний вид...»

Агния, стоя у жужжащего ксерокса, с такой остротой представила себя одну, в отдельной квартире, свободную, что даже засмеялась вслух – тихо, счастливо... Хотя «Призрак Оперы» круглые сутки крути, хоть Ингу в гости зови – каждый день! Можно не убираться, можно валяться на разобранной постели и читать... Можно ходить в халате, в растянутых тренировочных... Да хоть голой!

«Но откуда у меня возьмется собственная квартира? Купить? Нет, абсолютно нереально... Снять? Тоже денег не хватит. Отец платит мне немного и половину забирает на еду и оплату коммунальных услуг. То, что остается, можно и не считать». О том, чтобы попросить отца купить ей, дочери, отдельную квартиру – самую маленькую, самую дешевенькую, на самой дальней окраине, – даже думать нельзя. А у него были деньги – и, пожалуй, на несколько квартир... «Но это *его* деньги. А если уйти от отца на съемную квартиру? Тогда моя зарплата останется у меня, за эти деньги я найду себе какое-нибудь жилье! Точно!»

А если и из нотариальной конторы уйти?

Новая мысль еще больше взволновала Агнию. «Но кто меня возьмет? Куда? Кому я нужна? В учительницы опять?» – «Да, в учительницы, – ответил внутренний голос. – Делать то, что любишь и умеешь, – учить детей».

Агния повернула голову – за стеклянной перегородкой Света разъяряла что-то очередной посетительнице.

Как уже говорилось, Света была всего на два года старше Агнии. Но вот Света выглядела на свой возраст... Жгучая брюнетка с чуть желтоватым оттенком кожи, с сухими тонкими руками. Волосы у Светы всегда убраны назад, в маленький пучок, губы накрашены темно-вишневой помадой, наведены резкие стрелки у глаз – кто-то когда-то сказал Свете, что она похожа на Нефертити... Да, лицо красивое, но выражение всегда какое-то слишком жесткое. Любит или ненавидит Света отца Агнии? Было у них что-то или нет?

«Как же не хочется об этом думать! Если бы я тут не работала, то и не видела бы эту Свету!» – с тоской решила Агния.

– ...Нет, я не буду вам ничего заверять! Послушайте, в паспорте есть подчистки... Вот, видите? Я своей репутацией рисковать не собираюсь... Нет-нет-нет, и не просите! – донесся до Агнии громкий, уверенный голос отца.

Около часа дня отец ушел куда-то, а в половине второго в конторе появилась... Полина. Белокурый ангел в белых лосинах и белоснежной шубке. Высокая грудь, пухлые губки, акриловые ногти немыслимой длины.

– Агния, здравствуй, дорогая! – ласково и нежно улыбнулась Полина, зайдя к Агнии за ширму. – Ты куда-то идешь?

– Да, сейчас обед, – сказала Агния, застегивая «молнии» на сапогах. – А папы нет, он позже будет. Разве вы не созванивались?

– А я к тебе, не к нему... Пообедаем вместе?

– Конечно, – бодро тряхнула Агния своими кудрями. Она теперь видела в Полине свою спасительницу, друга. «Полина наверняка тоже не хочет жить вместе с чужим человеком, со мной то есть!»

Авто Полины – небольшое, дамское, хорошенькое, тоже белого цвета – было припарковано в переулке.

– Тут неподалеку замечательное кафе... – Полина села за руль. В салоне нежно и сладко пахло духами. – Ты сделала новую прическу, тебе идет.

– Спасибо! – обрадовалась Агния. – А то я сама не пойму... Все время сомневаюсь...

– Никогда в себе не сомневайся! – сердечно произнесла Полина. – Ты прелесть.

Кафе – дорогое, с вычурным интерьером, рыбками, плавающими под стеклянным полом... Полина с Агнией сели за столиком у окна.

– Агния, папа тебе еще ничего не говорил? – после того как официантка приняла у них заказ, спросила Полина.

– Нет, – дрогнувшим голосом произнесла девушка и уставилась на пухлые губы Полины, с которых должно было сейчас сорваться нечто судьбоносное. – А что?

– Мы назначили свадьбу на конец апреля.

– Ой! Поздравляю! Полина, я так рада...

– А уж как я рада, что у меня будет такая чудесная дочка! – ласково засмеялась Полина, отчего упруго заколыхался ее высокий бюст. – Ты не беспокойся, сегодня я тебя угощаю.

– Нет-нет, мы все пополам...

– Агния, детка, ну не спорь! – Полина положила ладонь поверх ее руки. – Я теперь твоя вторая мама, да? Ты должна меня слушаться...

Агния засмеялась смущенно, рассматривая рисунки на ногтях Полины – птицы, цветы, райские сады...

– Полина, а где будет свадьба?

– У нас снят ресторан в Подмоскowie... все на свежем воздухе. В конце апреля будут стоять, как всегда, теплые дни. А в мае жениться нельзя... Ну а до того – пост.

– Пост, да... А до лета – долго ждать! – подхватила Агния. – А что потом?

– Потом едем в свадебное путешествие. Что еще... Потом мы с Борей живем долго и счастливо! – засмеялась Полина. Им принесли заказ. – Угощайся, Агния, это мой любимый салат. Ноль калорий – и очень вкусный!

– А... а где вы будете жить? – дрогнувшим голосом поинтересовалась Агния.

– Как где? У вас. Ты, надеюсь, не против? – быстро спросила Полина.

– Н-нет. Но... Мы что, будем жить втроем?

– Конечно. Мы же теперь одна семья.

Агния молча положила в рот салатный лист.

– Агния, ты ведь не думаешь, что я превращусь в злую мачеху и заставлю тебя перебирать просо с утра до ночи? – шутливо спросила Полина.

– Нет. Да мне и не в тягость домашний труд... – запинаясь, ответила Агния. «Вместе! Но как же...»

– Тебя что-то смущает, скажи? Я тебе не нравлюсь? Ты ревнуешь ко мне папу?..

«Почему она говорит со мной, точно с ребенком? Ведь я даже старше ее... А губы у нее напоминают куриную гузку. Кажется, вот-вот яйцо из них выскользнет!»

Полина сидела перед ней – такая нежная, ласковая, лощеная, сияющая дорогим тональником на коже, благодушная. Абсолютно нескандальная, занятая своей внешностью. Любовью. Нарядами. Пожалуй, она действительно не будет досаждать Агнии. И Полина, и отец станут жить в свое удовольствие. Нормальные, современные люди. Только вот будут ли они учитывать интересы Агнии?

– Нет, я не ревную, и ты мне нравишься, – честно ответила Агния. – Проблема в другом. Я... я хочу жить одна.

– А как же семья? – растерялась Полина.

– Семья – это вы с отцом.

Полина отвернулась, молча постукивая пальцами по столу. Агнии очень не хотелось ссориться с ней, но...

– Полина, ты можешь сказать отцу, что хочешь жить только с ним? Без меня? – набравшись храбрости, спросила Агния.

– Я говорила, – ничуть не удивившись, спокойно ответила Полина. – Но он...

– Что? – напряглась Агния. Если бы Полина ответила – «отец любит тебя и не хочет отпускать, потому что беспокоится за тебя», – Агния смиренно бы со всем согласилась бы. Но Полина сказала:

– Он хочет, чтобы мы с тобой стали подругами. Чтобы ты работала меньше и проводила больше времени со мной. Я же не работаю... Да и тебе все веселей будет!

Не сразу смысл сказанного дошел до сознания Агнии. А потом она поняла – отец хочет, чтобы она была кем-то вроде дуэньки при Полине. Отец, вероятно, боялся, что в его отсутствие Полина загуляет или заскучает...

– Отец уже все решил? – быстро спросила Агния.

– Да.

У Агнии возникло такое ощущение, будто сердце в груди перевернулось. Затряслись руки – девушка быстро спрятала их под стол. Она не понимала, что с ней творится...

– Я не хочу быть свидетельницей всего этого! – вырвалось у Агнии.

– Чего – этого?

– Вашего с отцом медового месяца!

– Господи, Агния... Да разве ж мы при тебе... – опешила Полина.

– Я не хочу... Я знаю, что мой отец – донжуан тот еще! Я не хочу видеть, как он выходит утром на кухню, в своем белом махровом халате, напевая, не хочу видеть тебя в пеньюарчике, томную, после ночи любви...

– Я так и знала, что ты ревнуешь, – кисло произнесла Полина. – А ты хотела бы, чтобы он был старым пердуном, из которого песок сыплется? Ты бы варила ему манную кашу и носила грелку в постель, да?.. Нет, Боря, конечно, говорил, что ты старая дева, но не настолько же! Ты что, вообще отрицаешь любовь?

«Отец обсуждал меня с ней? Называл «старой девой»?!»

– Да кто бы говорил о любви! – сквозь зубы произнесла Агния. – Любовь! Мой отец тебя старше на тридцать лет! Любовь... Так я и поверила, что ты, тридцатилетняя бездельница, холеная кукла, влюбилась!

«Боже, что я говорю?..» – с ужасом подумала девушка. Это была не она, не Агния – кроткое, доброе создание. И потом, гнев отца будет страшен... Она посмела назвать его невесту куклой и бездельницей. Теперь он точно ее убьет.

– Ты ханжа! Ты... ты старая дева! – округляя глаза, отдельно произнесла Полина. – При чем тут возраст?..

– Ага, он тоже влюбился... Как же! Не мог в свою ровесницу влюбиться. Или в женщину с грудью нормального размера. Это все... Это все его козлиная похоть! – с отвращением к себе, к тому, что говорит, продолжила Агния.

– Ты же его ненавидишь! – прошептала Полина, отшатнувшись. – Ты ненавидишь своего собственного отца! Ты не хочешь, чтобы он был счастлив!

– Если его счастье – затаскивать всех девиц в постель...

– Замолчи! Ты сумасшедшая! – страшным голосом зашептала Полина. – Ты самая настоящая сумасшедшая... Ох, а я-то к тебе с добром... У него и так с этой дурой Кирой проблем хватает, а тут еще ты! Совесть-то у тебя есть?

«С Кирой, – машинально отметила Агния. – Еще какая-то дура Кира... Кире только не хватало!»

– Вот он пусть сначала с Кирой разберется! – выпалила Агния.

– С Кирой он никогда не разберется, потому что там ребенок, ты знаешь!

«Ребенок? У отца ребенок от какой-то там Кире?»

Это оказалось последней каплей – Агния уже не владела собой.

– Как вы мне все надоели... – не слыша собственного голоса, не соображая, что говорит, прошипела Агния. – Проститутки проклятые!

Полина открыла рот. Округлила глаза. Закрыла рот. Снова открыла.

– А... ты... – задыхаясь, точно рыба, выброшенная на берег, Полина попыталась справиться с дыханием, но не смогла.

Агния не стала дожидаться, пока будущая мачеха наконец подберет нужные слова, схватила свое пальто и пулей выскочила из кафе.

«Что я наделала?!»

Агния побежала вдоль улицы, нырнула в метро. Она совсем забыла о том, что ее ждут в нотариальной конторе.

«Все кончено...»

Страшно было даже представить, что скажет ей отец, когда обо всем узнает. Он ее уничтожит...

«И будет прав! – в отчаянии подумала Агния. – Что такое на меня нашло... Это же не я была, не я эти гадкие слова говорила! И вообще, какое я имела право обсуждать чувства отца, его невесты, оскорблять этих людей... Взяла и совершенно без повода напала на Полину!»

Агния немного пришла в себя лишь во дворе собственного дома. Было около трех часов дня. «Надо было к Инге ехать... Но Инга больна, еще не оклемалась после вчерашнего! – напомнила себе Агния. – Что же делать?! После всего этого я не имею права возвращаться домой!»

Агния побрела по засыпанному снегом двору. Села на качели. «Если бы мама была жива...» Агния с такой тоской, с такой нежностью вдруг вспомнила сейчас о матери, что с трудом сдержала слезы. Мама была очень пугливой, робкой, абсолютно незлобивой женщиной. Характером Агния пошла в нее – об этом девушка и сама знала, да и окружающие не раз подтверждали.

«Почему отец не вызвал меня тогда в Москву, не дал проститься с мамой?.. Ее закапывали в землю, а меня, ее дочери, даже не было на похоронах! Как же ей было одиноко, грустно – умереть одной! И я ведь ни словом не упрекнула отца... Я тогда должна была высказать ему все, а не сегодня нападать на Полину, которая ни в чем не виновата...»

Агния закрыла глаза, прислонившись виском к ледяному металлу стойки качелей.

Восемнадцать лет назад, лето. Июль. Дивные, золотые, жаркие дни. Их уютный московский дворик весь в зелени... Ее, Агнию, ученицу последнего класса, провожает на вокзал мама. Они идут вдоль дома, мама торопливо вспоминает – все ли взяли...

В тот самый день, когда Агния отправлялась в летний лагерь, во дворе веселилась молодежь постарше. Этот... Харитонов брэнчал на гитаре. Орехов был. Еще кто-то. Девушка на качелях, с роскошной гривой золотисто-каштановых волос. Кажется, она тоже жила в их доме, потом уехала куда-то, что ли... Красивая. Да-да, была в тот день еще и девушка.

Агния тогда шла мимо них, мимо разросшихся кустов сирени, рядом с мамой, и представляла, как будет плескаться в море... Она не знала, что в ее отсутствие мама умрет. Это был последний день, когда она видела маму живой.

Агния тогда, тогда должна была высказать все отцу!

Слезы мгновенно высохли на глазах Агнии. Она, будучи уже взрослым человеком, понимала, что глупо, да и поздно бунтовать против отца. Ей тридцать четыре, а не шестнадцать! Но он назвал ее «старой девой»... Он, старый казанова... и еще ребенок какой-то у него на стороне... и эта Полина, лоснящаяся, в лосинах, чуть не лопающаяся от силикона, насквозь пропитанная дорогими кремами... Ясно же – она собирается выйти замуж для того, чтобы содержать свое роскошное тело в холе и неге. Больше ей ничего не надо!

– Агнесса!

Агния вздрогнула – через двор, взрывая снег, к ней быстро шел Харитонов. Этот грубый, циничный, приставучий доктор.

– Агнесса... вот так встреча! – Он приблизился, гипнотизируя Агнию своими светлыми, голубыми, наглыми глазами. Кажется, он и не моргал вовсе. Заросшая щетиной физиономия, крепкий запах табака...

– Я не Агнесса, я Агния.

– Агния! Дивное имя. Но я даже не надеялся, что еще раз встречу тебя... Ведь мы только вчера... А говорят, Москва – большой город! Я почему-то знал, что мы еще пересечемся. Но не думал, что так скоро. На следующий день!

«Он так и не узнал меня. Раньше все смотрели на мою косу, а не на мое лицо!»

– Разве мы на «ты»?

– Да, – бойко, без тени сомнения, ответил Харитонов. – Слушай, раз такие дела, может, посидим где-нибудь? Только я сейчас переоденусь... Две минуты!

– Мне холодно.

– Что? – Он потрогал рукав ее пальто. – Э, да, пальтишко совсем не для зимы! Идем ко мне.

Агния подняла голову, посмотрела ему в лицо. И сказала:

– Идем.

В лифте он стоял близко, с едва заметной улыбкой утыкался ей в волосы лицом, словно невзначай, – Агния наблюдала за Харитоновым в зеркало.

– Ты белокурая бестия, – прошептал он тоном заговорщика. – Я это еще вчера заметил.

– Я – Агния. Бедная овечка, – поправила она его.

– Нет, ты белокурая бестия! Ты – огонь.

В его квартире пахло табаком и чем-то кислым.

Харитонов помог Агнии снять пальто.

– Сапожки можешь не снимать. Сама видишь, как у меня тут...

– Нет. Я сниму.

– Айн момент. – Харитонов сел на корточки, расстегнул «молнии» на ее сапогах. Достал из-под галошницы пластиковые женские шлепанцы и перед тем, как надеть их на Агнию, сжал в ладонях ее ступню. – Холодная. И сапожки у тебя не по сезону.

Агния, покусывая губы, произнесла отстраненно:

– Может, *ты* согреешь?

Харитонов поднялся, посмотрел на Агнию сверху вниз (он был на целую голову выше). И молча, решительно обнял ее, так, что спина у Агнии прогнулась, а запрокинутое лицо оказалось ровно у его губ. Он поцеловал ее горькими от табака губами. Щетина на его щеке царапнула щеку девушки.

Весь он – не слишком молодой, жилистый, прокопченный, уверенный, циничный, нахрапистый – был настолько далек от образа романтического возлюбленного, что Агния не воспринимала его всерьез. Это игра. Никаких чувств. Говорят, так надо. Ну, раз надо, так надо. Кстати, а что она должна делать?

Агния подняла руки и обняла Харитонova за шею.

Ей были неприятны его язык, губы («зачем так влажно?»), его щетина и особенно то, что Харитонов вдруг стал дышать часто.

Агния покосилась на галошницу, на распахнутые дверцы какого-то гардероба – оттуда торчали полы курток.

– Не здесь, – сказала она.

Харитонов, не выпуская ее из объятий, ловко переместился в комнату. Комната, как краем глаза заметила Агния, представляла собой жуткую берлогу. Разобранная постель, обрывки бумаги на полу, стол, на котором были навалены книги, журналы и грязная посуда. Единственным «приличным» объектом в этой комнате являлась панель огромного плазмен-

ного телевизора, но на черном выключенном экране скопилось много пыли и кто-то уже успел нарисовать пальцем рожицы...

Харитонов расстегнул на Агнии блузку и стал целовать ее плечи.

– Ты такая холодная... – Он принялся своим дыханием отогревать ее пальцы. Далее он скинул с себя одежду, потом принялся раздевать Агнию. И все эти манипуляции Харитонов производил довольно ловко и легко, что возможно только после долгих лет интенсивной практики.

Через короткий промежуток времени Агния уже лежала обнаженной спиной на чужой постели.

Его руки. Щетина. Он целовал ее ступни, что Агнии показалось верхом... нет, не неприличия, но странности, что ли?

– Господи, надо же так замерзнуть...

– А ты говорил, что я – огонь.

– Огонь – там, внутри, – быстро произнес Харитонов и снова прижался к губам Агнии. Он прикрыл ее сверху своим телом, на какое-то мгновение буквально вдавил в диван.

– Ай, – едва слышно вскрикнула Агния и закрыла глаза.

...Это была ее любимейшая сцена из «Призрака Оперы» – Призрак уводит Кристину в свое подземелье и поет дивную песню. Главная мелодия, главный «зонг» мюзикла – «In sleep he sang to me, in dreams he came... that voice which calls to me and speaks my name...». Что примерно переводилось как: «В мечтах приходит он, он снится мне, чудесный голос звал меня во сне...» На какое-то время Кристина словно теряет разум, подчиняясь Призраку, силе его страсти. Она в тот момент – лишь игрушка в его руках, она покорна и податлива...

Агния открыла глаза. На нее, не моргая, смотрел Григорий Харитонов.

– Что это было? – тихо, даже строго спросил он.

– Что? – вяло отозвалась Агния. – Ты не знаешь?.. Тоже мне, доктор.

– Господи, ты должна была меня предупредить! – воскликнул он со злостью и недоумением.

– Зачем? – Агния осторожно села, поправила волосы. Прислушалась к собственным ощущениям – и с недоумением обнаружила, что никаких физиологических неудобств не испытывает. «Как?.. И это – все? Так легко, быстро... А где боль, где страдания, которые я должна была испытать, ведь столько об этом написано, рассказано? Да, вот я наконец и стала женщиной. Но что изменилось? Какой во всем этом смысл? Чем я прежняя отличаюсь от себя теперешней?»

– Ты сумасшедшая. Вот так просто, с первым встречным...

– Прости.

– Нет, и она еще и прощения просит! Ты... – Глаза у Харитонova были круглыми, белыми от гнева и... от удивления еще, наверное.

– Что? Ну что?

– Я не понимаю!

– Мой отец назвал меня старой девой, – спокойно, даже рассудительно произнесла Агния. – Все, теперь он меня не сможет больше так называть. Пусть я и старая, но уже не дева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.